

Чернов Дмитрий

Пыль

Чернов Дмитрий

ПЫЛЬ

<https://litres.ru/73857079>

SelfPub; 2026

Аннотация

Прапайон – элитный центр восстановления, где обещают «лечить воздухом» и бережно собирать опыт гостей в цифровой архив. Журналистка Диана приезжает сюда как в рай и как в материал: она привыкла управлять нарративом и превращать усталость в красивые истории. Но в Прапайоне истории пишут не только люди. Нервная система отеля – Core – собирает панические черновики, несохранённые голосовые и удалённые посты, превращая их в удобные кейсы. Из этой массы несказанного рождается Пыль – сущность, живущая в вентиляции, логах и паузах между «я не справляюсь» и «у меня всё под контролем». Когда Диана исчезает, группа гостей из комнаты 512 отказывается принять официальную версию и начинает вести собственный протокол. Их личный архив становится вызовом системе и самой Пыли. «Пыль» – романархив о праве на свою версию происходящего в мире, где забота превратилась в интерфейс, а память пытаются оформить в чужом формате.

Содержание

Глава 7. Егор смотрит	86
Глава 8. Непрошенный свидетель	102
Глава 9. Цифровая исповедь	123
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Чернов Дмитрий

Пыль

Глава 1. Идеальный день

Диана выбирает ракурс долго, дольше, чем обычно.

Телефон уже липнет к пальцам от влажного воздуха, солнце бьёт в экран так, что ничего не видно, но она всё равно сдвигает руку на пару сантиметров вправо и чуть поворачивает корпус, чтобы в кадр попал край бассейна, пальма и кусочек бирюзового моря.

— Мам, можно уже купаться? — тянет Тимофей.

Она делает вид, что не слышит.левой рукой придерживает соломенную шляпу, правой нажимает запись.

Белая линия края инфинити-пула, блестящая поверхность воды, надпись:

«Утро. Рай существует ## #prayoñ #достойнаэтого»

Запись идёт десять секунд. Этого достаточно.

Она добавляет фильтр — слегка охлаждающий, чтобы кожа выглядела фарфоровой, а тени — мягкими. На секунду внизу кадра мелькает чья-то рука в белой перчатке, выпрямляющая полотенце на соседнем шезлонге. Диана замечает это и резко обрывает запись. Пересматривает. Удаляет.

Пишет ещё раз: тот же поворот головы, та же улыбка, только теперь никто посторонний в кадр не попадает.

— Мам, — Тимофей уже стоит ближе, капли воды стекают по его худенькому телу, — можно я без круга?

— Секундочку, Тёма, — почти ласково, но не глядя на него.

Она добавляет геотег: **Prapaion Exclusive Resort**.

Под ним автоматически подгружается чужое идеальное счастье: загорелые пары, бокалы шампанского, бесконечные закаты. Диана пролистывает на автомате и ощущает знакомый укол — не зависть, а тревожное, липкое сравнение. У этих грудь больше. Эти худее. У этих дети улыбаются без гримасы.

Она выкладывает сторис. Телефон вибрирует почти мгновенно: первые реакции.

«Огооо ##»

«Ты где? Это рай?»

«Вот это ты живёшь, Ди! ##»

Вдох — выдох.

На секунду становится легче. Будто отщёлкивается лишний груз с позвоночника: ещё один кадр, ещё одно доказательство, что она контролирует нарратив.

— Можешь без круга, — говорит она сыну, наконец отрывая взгляд. — Только далеко не отплывай.

Тимофей улыбается и ныряет, оставляя после себя круг концентрических волн. На заднем плане, за стеклянным ограждением террасы, медленно проходит трое сотрудников отеля — двое мужчин и женщина. На всех — одинаковые белые рубашки с идеальными стрелками, серые брюки, почти неотличимые лица. Они идут так синхронно, что на секунду напоминают отражения друг друга.

Диана говорит себе, что это просто хороший сервис. Просто уровень.

Просто так здесь принято.

Через час она снимает завтрак.

Сначала — общий план: стол, накрытый как для съёмки рекламы. Фруктовая тарелка, на которой каждый кусочек уложен с геометрической точностью, крошечный кувшин с мёдом, идеально гладкая поверхность латте с сердечком из молочной пенки. На заднем плане — обрывистый склон, уходящий в море. Никаких людей, никаких чужих тарелок, только она и тщательно выстроенный ракурс.

«Шведский стол? Не, не слышали ## #первые500ккал #онотогостоит»

Мама фыркает.

— Ты хоть поешь живьём, а не через этот свой телефон,
— шепчет она по-русски, чтобы официантка не поняла.

Диана выдерживает паузу.

Сделать вид, что не обиделась. Улыбнуться. Откусить клубнику так, чтобы сок не потёк — красное на белом здесь будет лишним.

— Мам, ну что ты, — говорит она, глядя в экран, а не на мать. — Люди ждут. Это же работа.

— Работа — это когда деньги платят, — парирует мать.
— А не лайки.

Диана нажимает «опубликовать» и только потом поднимает глаза.

Мать сидит напротив, в нелепой с точки зрения Дианы дешёвой цветастой блузке, которая режет глаз на фоне минималистичного интерьера. Её серые волосы собраны в тугий пучок, лицо не знает фильтров. В уголках рта — усталость. Во взгляде — беспокойство.

— Я тебе говорю, — продолжает мать, понижая голос,
— здесь что-то не так. Ночью вообще ни единого звука. Ни сверчка, ни собаки. Как будто всё мёртвое.

Диана закатывает глаза.

— Мам, это премиум-сегмент. Люди платят, чтобы не слышать чужих детей, собак и... — она делает паузу, — тревожных мам.

Мать отводит взгляд к краю террасы. Там, у перил, стоит одна из горничных. Тонкая девушка с гладко зачёсанными волосами. Она как будто просто смотрит на море, но её поза слишком правильная, как будто она позирует для невидимой камеры.

— Вот, посмотри, — шепчет мать. — Она уже двадцать минут стоит. Не шевелится. Не устала, что ли?

Диана мельком переводит на неё взгляд.

— Это называется осознанность, — отбρίζει она. — Тут у всех ментальное здоровье, кроме нас двоих. Успокойся, пожалуйста. Тебя видно в кадре.

Мать хмыкает и немного отодвигается, выходя из поля зрения телефона. Так всегда. Диана выстроила себе жизнь так, чтобы всё, что не вписывается в картинку, просто отодвигалось дальше.

Позже, ближе к полудню, в сторис появляется бассейн с высоты.

Диана снимает из шезлонга на втором уровне террасы: внизу — Тимофей и Лера, прыгающие в воду; в кадр попадает кусочек неба, кроны пальм, отблеск солнца. Она добавляет музыку — лёгкий, беззаботный трек из топа. Поверх — опрос:

«Угадали, где мы? ##### / ##### / рай вне географии»

Ответы посыплются позже, но она уже заранее чувствует этот привычный фон: чужой восторг, любопытство, зависть. Каждый новый ответ — как маленькая таблетка. Особенно от тех, кто знает, сколько ей пришлось «выгрызать» такой отпуск.

«Такой отель так просто не берут», — написала ей вчера одна подписчица.

Диана перечитывала это утром, лёжа в номере, и улыбалась. Так просто — нет. Пришлось взять кредит. Пришлось согласиться на ещё один «бартер», который обернётся кучей обязательств. Пришлось продать пару вещей. Но это же не то, что надо показывать.

Лера подплывает к бортику и кричит:

— Мам, смотри!

Дочка делает неуклюжее сальто в воду, захлёбывается, выныривает с кашлем.

В кадр Диана это не берёт. В кадр попадает только момент, когда Лера уже спокойно плавает, разрезая воду аккуратными, почти идеальными движениями.

«Моя русалка ##», — пишет она.

После обеда они идут на пляж. Песок слишком белый, слишком ровный, как на фотографиях из стоков. Следы ног

исчезают почти сразу, будто кто-то невидимый аккуратно разглаживает поверхность после каждого шага.

— Тут даже песок как пластмассовый, — бурчит мать.

— Мам, ты можешь хоть раз просто... наслаждаться? — Диана держит телефон в руках, как будто это дополнительная кость в пальцах. Она уже прикидывает, какой будет закат и где лучше встать, чтобы солнце садилось точно между двумя пальцами.

— Я наслаждаюсь, — упрямо отвечает мать. — Только когда слишком красиво, всегда хочется спросить: за чей счёт этот банкет.

Она не договаривает. Не произносит вслух «за твой счёт», «за счёт твоих нервов», «за счёт того, что ты не спишь ночами и всё время боишься, что тебе перестанут платить за эти свои картинки».

Диана и сама об этом думает, но не в таких словах.

Для неё это звучит иначе: «Если я однажды перестану быть интересной, всё развалится».

Поэтому она сейчас поднимает руки, вытягивает телефон и снимает, как солнце бьёт в воду диагональным золотым лучом.

В кадр на секунду попадает чья-то тень — высокая фигура в форменной одежде отеля. Тень останавливается, как будто прислушивается. Диана тут же отступает чуть в сторону,

чтобы человек не попал в сторис.

— Извините, мэ, — раздаётся тихий английский за спиной. — Вы будете ужинать сегодня в основном ресторане или предпочитаете приватный сервис на террасе?

Голос мягкий, идеальный, без акцента.

Диана оборачивается. Перед ней мужчина лет тридцати, в той же белой рубашке и серых брюках, что и у остальных. Лицо — правильное, приятное, но какое-то... глазу не за что зацепиться. Как будто его попросили быть «универсально красивым», и он послушно стал.

— Мы ещё не решили, — говорит Диана. — Я напишу на ресепшен.

— Конечно, — он улыбается. Улыбка тоже идеальная, но не теплющая взгляд. — Мы доступны для вас всегда.

Он уходит по песку, оставляя за собой аккуратные, равномерные следы, которые исчезают слишком быстро. Как будто сам песок боится, что кто-то увидит, что здесь вообще кто-то ходил.

Диана возвращается к телефону.

Смотрит на отснятый фрагмент. Видит, как в одном из кадров на секунду проскальзывает этот мужчина, размытый, почти прозрачный, на фоне ослепительного моря.

Она на секунду задумывается: оставить или вырезать?

Нажимает «редактировать», обрезает.

Сторис получается идеальной: золотой луч, вода, силуэт её собственной фигуры в купальнике на дальнем плане. Никаких лишних людей.

Вечером, когда солнце садится, и небо становится густо-фиолетовым, она стоит на террасе номера и снимает тот самый кадр, который потом будет везде — в подборках, в репостах, в завистливых сторис «хочу так же».

На видео — бокал белого вина, её рука с тонким браслетом, медленно вращающая стекло. На фоне — огни отеля, отражающиеся в воде. Текст поверх:

«Иногда жизнь всё-таки извиняется. ## #myperfectlife»

Из номера доносится голос матери:

— Диана, у Леры снова температура. Я тебе говорила, кондиционер надо выключать.

Диана отступает ещё на шаг на террасу, чтобы голос не попадал в запись.

Улыбается в камеру. Чуть наклоняет голову. Стекло за её спиной отражает комнату: на кровати сидит Лера, прижав ко лбу мокрое полотенце; Тимофей что-то рисует на планшете; мать суетится у тумбочки, ища лекарства. В отражении всё выглядит чуть размытым, как фон на портрете, настроенный на «боке».

Она выкладывает сторис.

Секунду стоит, держась за перила. Пальцы дрожат. То ли от вина, то ли от усталости.

Телефон вибрирует — новые уведомления.

«Ты такая вдохновляющая ##»

«Когда ты успеваешь всё это?»

«Богиня. Ты заслужила.»

Голос матери становится резче:

— Ди! Ну ты скоро?

Диана нажимает блокировку экрана и поворачивается.

— Иду, мам, — говорит она. — Я просто дозалью... — она делает неопределённый жест рукой, — работу.

Ей кажется, что воздух здесь слишком плотный. Слишком застойный, как в студии, где выключили вентиляцию. Но кондиционер в номере настроен на идеальные двадцать два. Никакой духоты быть не должно.

Она делает шаг обратно в комнату.

На белоснежном ковре у кровати свет от бра увидел что-то, чего не замечала она сама: в косом луче между полом и матрасом едва заметно, почти невесомо кружатся крошечные частицы.

Пыль.

Диана морщит нос.

Через секунду свет чуть меняется, и частицы исчезают — словно передумали существовать.

Она решает, что ей показалось.

Это будет её последняя сторис.

Через час связь прервётся.

Продолжаю сразу художественным текстом второй главы, логически продолжая первую: всё ещё последний день Дианы, но фокус смещается с фасада на внутренние микротрещины — дети, деньги, Андрей на расстоянии. Я держу тот же тон и POV.

Глава 2. Между кадрами

Ночью Диана просыпается от тишины.

Не от звука — как раз наоборот.

От того, что ничего не шуршит, не капает, не хлопает дверью. В Москве тишина всегда относительная: где-то за стеной кто-то смывает воду, за окном проезжает машина, в коридоре лифт, сверху ходят соседи. Там шум — как белый фон. Здесь фон — пустота.

Она лежит в кромешной темноте, смотрит в потолок и

не сразу понимает, что её разбудило. Сердце бьётся быстрее обычного, будто она бежала. Во рту сухо. Дети спят на соседней двуспальной кровати, сбившись к центру. Лера уткнулась носом в плечо Тимофея, он лежит на спине, раскинув руки.

Кондиционер тихо дышит в углу, но этот звук ровный, искусственный.

За окном — ничего. Ни цикад, ни далёкого океана, хотя днём кажется, что море в паре шагов.

Диана осторожно сползает с кровати, чтобы не разбудить мать; та спит у стены, сжавшись и накрывшись одеялом до подбородка, как будто боится не сквозняка, а чего-то, что может влезть под одеяло.

Экран телефона в темноте — как окно в другой мир.

На нём сейчас — цифры: 03:14.

Несколько уведомлений от банков.

Она проводит пальцем, не раскрывая приложения. Ночью лучше не знать. Если открыть хоть одно, цифры оживут, выстроятся в осмысленную угрозу. Долг за квартиру. Овердрафт. Платёж за школу. Кредит за этот чёртов Прапайон, который пока есть только в виде обещания: «Мы вернём всё сторисами, рекламой, новыми подписчиками».

Она открывает Инстаграм, потому что там хоть кто-то ра-

дуется.

Ночные сторис знакомых — клубы, кухни, чужие дети. Её собственный последний кадр с бокалом уже собрал больше десяти тысяч просмотров и сотни реакций.

«Когда-то и я так смогу», пишет ей девочка с аватаркой из глубинки.

«Спасибо, что делишься», — ещё одна.

«Смотрю на тебя и верю, что жизнь может быть другой». Диана смеётся беззвучно, чтобы не разбудить никого.

Жизнь действительно «другая», просто не та, что в кадре. Она листает дальше. В одном из сообщений — голосовое от Андрея, не прослушанное.

Оно висит там с вечера, с момента, когда она ещё стояла на террасе с бокалом. Тогда она увидела его имя на экране, потянулась пальцем — и передумала. Стерла уведомление, оставив само сообщение непрослушанным. Ей не хотелось портить себе закат его голосом, этим сухим, уставшим тоном делового человека, который вроде как «всё для семьи», но всегда мыслями где-то в сделках.

Сейчас, в три ночи, она нажимает.

Голос Андрея звучит тихо и немного глухо — видимо, он записывал в машине или в коридоре.

— Диана, привет. Я видел твои сторис. Красиво... — пауза. — Прости, что не перезвонил сразу, завал был. Как вы там? Всё ок? Мама не сильно достаёт? Если что, могу перелететь на пару дней, но... — ещё одна пауза, в которой слышно, как он вздыхает, — у меня тут ад с отчётами. Напиши, если нужно.

В конце — короткий, формальный:

— Целую.

Диана сидит в темноте и слушает, как что-то внутри неё сжимается.

Он всегда так: предлагает, как будто не предлагает. «Можу, но...» — и длинный список причин, почему не может.

Голос сообщения нейтрален. Ни тревоги, ни реального интереса. Словно он отмечает галочку: «проявил участие».

Она перематывает в начало и слушает ещё раз.

«Я видел твои сторис. Красиво».

Он никогда не пишет «ты красивая».

Всегда — «красиво». Будто речь идёт о картинке, а не о ней.

Наверху, над кондиционером, в углу стен что-то едва заметно шевелится.

Точнее, ей кажется. В полутьме она различает хрупкую, тонкую паутинку, свисающую с вентиляционной решётки. Приглядевшись, понимает: это не паутина. Это струйка светлого, почти серебристого пепла, которая медленно осыпается и исчезает до того, как коснётся пола.

Диана моргает.

Смотрит ещё. Угол снова идеально чистый, как в рекламном буклете.

— Тебе надо спать, — шепчет она самой себе. — Хватит.

Она выключает экран, ложится обратно и кладёт телефон рядом с подушкой. Между подушкой и головой матери. Ей почему-то кажется безопаснее зажать его между ними, как в детстве игрушку — между собой и взрослым.

Сон не приходит долго.

Вместо этого в голове крутятся цифры, слова из сообщения Андрея и фразы матери: «за чей счёт», «здесь что-то не так».

Утро приносит с собой привычный ритуал: контрастный душ, лёгкий макияж «как будто без макияжа», проверка уведомлений.

Андрею она так и не ответила.

В разделе «запросы на переписку» — ещё три сообщения

от брендов, один вежливый отказ и одно заманчивое предложение «обсудить партнёрство». Последние всегда пишут так, как будто предлагают дружбу, а не контракт с кучей скрытых пунктов.

Она открывает камеру и делает селфи в зеркале ванной. влажные волосы, белый халат, чуть запотевшее стекло.

«Утро в раю — это когда успела вымыть голову до того, как проснулись дети ##» — пишет она поверх.

В отражении на секунду видно, как за её спиной, там, где должна быть ровная, идеально белая плитка, что-то размывается, словно кто-то провёл по стеклу ладонью. Она этого не замечает — сосредоточена на том, чтобы линия подбородка была чёткой, а кожа — без единого изъяна.

Сторис улетает в сеть.

Вода из душа шумит, смывая с её тела остатки ночной тревоги.

За завтраком мать снова ворчит.

У Леры слегка горит лоб, глаза мутноваты. Девочка отказывается от еды, ковыряет вилкой омлет. Тимофей нахмурен — что-то не поделил с планшетом, который отказался ловить вайфай.

— Я говорила, что кондиционер нельзя на всю ночь, — начинает мать сразу, как только Диана садится. — Ребёнок простыл. У них и так иммунитет никакой, а ты...

— Мам, — перебивает Диана. — Ты можешь хотя бы здесь не читать мне лекции? Мы на отдыхе.

— На каком отдыхе? — мать отодвигает тарелку. — Ты с телефоном не расстаёшься, это раз. Детям скучно, это два. Лера больная, это три. У тебя под глазами — синяки, как у наркоманки, это четыре. Какой это отдых?

В этот момент мимо проходит официантка. Она наклоняется, чтобы убрать пустую тарелку со стола соседей, и уголок её безупречной улыбки дрожит — возможно, от усилия, возможно, от чего-то ещё. Но движения остаются отточенными, как на репетиции.

— Всё прекрасно, — Диана тянется к чашке кофе и делает глоток. Горячий, горький. — Просто ты не умеешь радоваться.

Лера тихо всхлипывает.

— У меня голова болит, — шепчет она. — И тут пахнет химией.

Диана знает этот запах — смесь отбеливателя, освежителя воздуха и дорогой парфюмерии, которым пахнет весь отель. Для неё это запах успеха. Для Леры — наверное, больницы.

— После завтрака пойдём в бассейн, и всё пройдёт, — говорит она дочери, проводя ладонью по дочерним волосам. Движение автоматическое, почти механическое. Главное —

сказать уверенно. Так, словно мир подчиняется её голосу.

Она ловит себя на том, что говорит то же самое, что говорит подписчикам:

«Всё будет хорошо. Главное — верить».

Где-то внутри мелко шевелится сомнение.

Но оно, как и любые другие некрасивые вещи, не должно попасть в кадр.

Днём, пока дети с бабушкой на детской площадке, Диана идёт в лобби. Ей нужно добавить пару сторис с интерьерами — партнёры просили «показать пространство», чтобы ясно было, куда приглашать будущих клиентов.

Лобби — как храм. Высокие потолки, белый камень, стекло, зеркала. Ни пылинки, ни царапины. Даже цветы в вазах выглядят не живыми, а идеально сконструированными.

За стойкой ресепшен — двое сотрудников.

Диана замечает, что одного из них она уже видела утром у пляжа. Тот же безупречный пробор, тот же галстук, тот же выверенный наклон головы. На бейджике — имя. Она читает: *Niran*.

Вчера у пляжа на бейджике было другое: *Preecha*.

— Добрый день, миссис... — он смотрит в экран перед собой, — Лецкая. Как проходит ваше пребывание?

Диана улыбается.

Включается профессиональный режим: «клиент — партнёр».

— Всё прекрасно, спасибо. Хотела уточнить насчёт сегодняшнего вечера. Можно ли забронировать столик на террасе, чтобы был вид на море?

— Разумеется, — он улыбается. — Мы уже учли ваши предпочтения. Столик номер семь. Он лучше всего подходит под ваш... — короткая пауза, — визуальный стиль.

Сердце на секунду спотыкается.

Она не сразу понимает, что именно её задело. Формулировка — странная. «Под ваш визуальный стиль», будто она не человек, а бренд.

— Вы... — Диана хмыкает, — смотрите мои сторис?

— Мы всегда стараемся лучше знать наших гостей, — отвечает Ниран–Прича. — Чтобы обеспечить им идеальный опыт.

Слово «идеальный» здесь произносится слишком чётко, как будто это внутренняя мантра отеля.

Диана кивает.

Разворачивает камеру, делает общий кадр лобби: свет, ко-

лонны, лёгкий шум фонтана. Налепляет поверх: *«Когда интерьер говорит с тобой на одном языке»*.

Перед тем как нажать «опубликовать», она на долю секунды увеличивает изображение и замечает, что на одной из колонн, в самом верхнем углу, есть крошечная, едва заметная тёмная точка.

Сердце делает ещё одно лишнее движение. Пыль? Пятно? Тень?

Она тянется пальцами к экрану, чтобы приблизить ещё, и в этот момент мимо проходит горничная. В реальности. В кадр она не попадает, но тень от её движения на мгновение скользит по колонне — и точка исчезает.

Диана вздыхает.

Нажимает «опубликовать».

Вечером, перед ужином, она получает сообщение от Андрея:

«Как вы? Всё норм? Ты пропала.»

Она смотрит на экран, сидя на краю кровати. На Лере снова держится компресс. Тимофей играет в уголке, мать что-то ищет в аптечке, ворча себе под нос.

Диана набирает:

«Всё прекрасно. Рай. Не переживай.»

Стирает.

Набирает другое:

«Дети болеют. Я устала. Здесь странно.»

Стирает и это.

В конце концов отправляет:

«Всё норм. Очень красиво. Работаем ##»

Точку в конце она не ставит. Точки звучат окончательно.

Ответ Андрея приходит почти сразу:

«Ок. Лучше тебя знаю, как ты умеешь разогнать. Не переутомись. Я тут с отчётами с ума схожу.»

Она долго смотрит на слово «с ума».

Её собственное «с ума» выглядит иначе: не в таблицах, а в том, насколько тонкой стала граница между «я живу» и «я должна показывать, что живу».

Мать садится рядом и кладёт руку ей на плечо.

— Я не хочу тебя ругать, — неожиданно мягко говорит она. — Я просто... чувствую. Тут не по-людски как-то. Слишком гладко. Слишком ровно. Как телевизор без помех.

Диана молчит.

В голове всплывает образ идеально ровного песка, идеально чистого стекла, идеально улыбочивого персонала.

— Может, уедем пораньше? — предлагает мать. — Пока деньги не жалко, пока здоровье есть. Ну его к чёрту, этот ваш рай.

Диана почти слышит, как внутри щёлкает невидимый замок.

Уехать — значит признать поражение. Признать, что она взяла кредит, ввязалась в рекламные обязательства и не смогла «отработать» этот отпуск. Что все увидят: идеальный Прапайон оказался слишком большим для неё. Что реальность победила картинку.

— Мам, — тихо говорит она, — если я сейчас уеду, меня просто сожрут.

В ленте. В комментариях. В жизни.

— А если останешься, — мать смотрит ей прямо в глаза, — тебя сожрёт что-то другое.

Диана отворачивается.

Смотрит в окно. За стеклом — чёрное море и ровные огни по периметру территории отеля. Ничего лишнего. Никаких случайных огоньков за забором, никаких чужих костров на пляже.

Как будто весь мир заканчивается у линии, где заканчиваются камеры наблюдения.

Телефон вибрирует в руке.

Новое уведомление: от «Prapaion Exclusive».

«Спасибо, что делитесь своим опытом.

Ваши истории — часть нашей истории.

#weareprapaion»

Диана ощущает, как у неё холодеют пальцы.

Иногда ей кажется, что она больше принадлежит тем, кто пишет ей в директ и отмечает в рекламных кейсах, чем себе самой.

Она гасит экран.

Внутри, в самом глубоком углу сознания, мелькает короткая, как вспышка, мысль:

«А что, если здесь наконец можно перестать быть собой?»

Она отталкивает её.

Поднимается. Идёт поправлять макияж перед ужином.

Где-то за стеной, в толще идеально чистых воздуховодов, очень медленно и очень терпеливо шевелится невидимая

жизнь.

Глава 3. Обрыв

Ужин начинается красиво.

Столик номер семь действительно идеален: как будто его проектировали специально под неё. Белая скатерть без единой складки, тонкие бокалы, свеча в матовом стаканчике, за спиной — бесконечная чёрная гладь моря, разделённая только линией перил.

— Ну, хоть тут не придерёшься, — соглашается мать, оглядываясь. — Красиво.

Лера бледная, но упрямо сидит в платье, которое Диана привезла именно для этого кадра. Нежно-голубое, с тонкими бретельками. Тимофей вертится на стуле, то и дело нащупывая глазами планшет, лежащий в маминой сумке.

— Давайте снимем один кадр — и потом вы просто едите, хорошо? — почти умоляюще говорит Диана. — Один.

Официант, будто ждавший сигнала, уже появляется рядом.

— Хотите, я сделаю семейное фото? — предлагает он безупречным английским.

Диана на секунду колеблется. Семейные фото — сложная территория: на них видно слишком многое. Но она сама писала посты о «ценности момента», о том, как важно быть в кадре, а не только за камерой.

— Да, давайте, — решается она. — Только... — она быстро подходит, чуть поворачивает стул матери, поправляет локон Леры, командует: — Тёма, перестань корчиться.

Они выстраиваются:

мать чуть в стороне, как всегда; дети ближе к центру; Диана — под углом, чтобы профиль был выгодный. За ними — идеальное море и мягкие огни.

Официант снимает несколько дублей.

На одном Лера отворачивается, на другом Тимофей морщится, на третьем мать смотрит не в кадр, а куда-то в сторону.

— Можно ещё? — просит Диана.

— Всё отлично, мэм, — уверяет официант. — Я отправлю вам снимки в приложение отеля.

— Я сама... — она уже тянется к телефону, но он в руках у него. Он улыбается: — Мы заботимся об удобстве. Всё будет в вашей ленте воспоминаний.

Фраза странная, но сейчас ей некогда анализировать.

Она садится, открывает меню и делает вид, что выбирает между тремя блюдами, хотя уже заранее знает, какое будет красивее смотреться на фото.

Через час стол уже заставлен тарелками.

Лера почти ничего не ест, ковыряет рис. Тимофей съедает только картофель и просит мороженое. Мать с некоторой виной признаёт, что лосось «вкуснее, чем я думала». Диана делает два-три кадра десерта, один — бокала на фоне огня. Её лента на вечер заполнена.

— Мам, можно я в номер? — шепчет Лера, глядя на неё снизу вверх. Глаза у ребёнка мутные, щёки горят.

— Конечно, зайка, — говорит Диана и автоматически добавляет: — Только подожди, пока принесут счёт.

— Я отведу, — вмешивается мать. — Тебе ещё с официантами разбираться, да?

Тон слегка язвительный, но в нём слышится и забота.

Диана кивает, не споря. Ей действительно нужно уточнить, почему в счёт включили какой-то непонятный «сервис-комплекс», о котором ей никто не говорил.

Через несколько минут мать и дети уходят.

Диана остаётся за столом наедине с бокалом и телефоном.

Она открывает приложение отеля «Proraion Experience». Оно автоматически подключилось ещё при заселении, и теперь уведомляет её о каждом «улучшении» сервиса. Там, в отдельной вкладке, уже ждут загруженные официантом фотографии.

Она листает.

На одной — Лера с красными глазами и кривой улыбкой. На другой — Тимофей, уставший, с тёмными кругами под глазами. На третьей — мать, смотрящая куда-то в сторону. На четвёртой они все вместе. Взгляд Дианы — напряжённо-радостный, почти истеричный.

«*Семья мечты*», — пишет она в уме, и самой от этого становится смешно.

Внизу — кнопка «Поделиться в социальных сетях».

Палец зависает над ней на секунду. Отчётливое чувство: если она выложит это фото, оно станет частью того самого нарратива, из которого уже не так просто вылезти. «Счастливый отпуск, счастливые дети, всё как у людей».

Она нажимает.

Селекдует лучшее из серии — там, где Лера улыбается менее криво, а мать чуть ближе к центру.

«*Иногда всё, чего ты хотела, — просто сесть за один стол и никому не бежать. #myfamily*»

Никаких признаков температуры, долгов, ночных тревог.

В кадре — только красивый свет и общая композиция.

Обратная дорога в номер короче, чем казалось по утру.

Дорожки подсвечены мягкими лампами, тень пальм ложится ровно, как по линейке. Ни одного случайного темного угла, ни одного незапланированного звука. Как будто парк нарисовал дизайнер, а не природа.

В коридоре на их этаже — ни души.

Только ковёр, заглушающий шаги, и ровные белые стены. Диана набирает матери:

— Вы как, дошли? — звонок не проходит. Нет сигнала. Странно.

Она пробует ещё раз. Тишина.

Думает: может, мать оставила телефон в номере, а Лера уже спит.

На душе тяжелеет. Но тяжесть похожа не на тревогу, а на старую, знакомую усталость: всё время быть той, кто «организовывает» и «обеспечивает».

Она подходит к двери. Карточка проходит по считывателю, зелёный огонёк вспыхивает, замок щёлкает. Диана толкает дверь плечом.

Внутри — темно.

Кондиционер тихо шумит. На модном торшере — мягкое тёплое пятно света, падающее на пустую кровать.

Пустую.

Две двуспальные кровати застелены идеально. Подушки аккуратно уложены, пледы ровно сложены в ногах. Ни скомканного полотенца, ни разбросанной одежды, ни детских игрушек. Как будто никто здесь не жил.

Диана застывает в дверях.

Первое ощущение — что она ошиблась номером. Это логично. Это безопасная версия реальности.

Она отступает на шаг назад, смотрит на табличку: **408**. Их номер.

— Мам? — зовёт она, заходя внутрь.

Тишина.

Только тихое ровное дыхание кондиционера.

Диана бросается к шкафу. Дверцы раскрываются. Внутри — их вещи. Платья, шорты, футболки. В нижнем отсеке — чемоданы. Всё на месте. В ванной — аккуратно расставленные флаконы её косметики, мамина дорожная аптечка, детские щётки.

Только людей нет.

Сердце в груди начинает биться громче, словно пытается пробиться наружу.

— Мам, хватит. Это не смешно, — голос звучит слишком

громко в этой идеально отрететированной тишине.

Она проверяет балкон. Дверь закрыта. На столике — недопитая детская бутылка воды. На стуле — брошенная Лерина кофточка.

Только людей нет.

Телефон в руке машинально пытается подключиться к сети.

Нет сигнала. Нет Wi-Fi. Нет привычной спасительной надписи «Connected to Prapaion_Guest».

На тумбочке у кровати лежит материнский телефон. Чёрный, старый, с треснувшим углом. Диана хватает его — экран чёрный, разряжен.

Она слышит свой голос, но словно со стороны:

— Простите... алло... — она нажимает кнопку на стационарном телефоне, соединяющем с ресепшеном. — Это... Лецкая из 408-го. Я не могу найти свою семью.

Голос на другом конце линии появляется почти мгновенно. Всё тот же безупречный английский.

— Миссис Лецкая, добрый вечер. Не волнуйтесь. Согласно нашим записям, ваша мать и дети покинули номер около сорока минут назад.

— Куда? — дыхание сбивается. — Куда они могли уйти без вещей? Без... — она оглядывается по комнате, — без всего?

— Возможно, они решили посетить одну из наших ноч-

ных активностей для гостей, — мягко, как будто успокаивая ребёнка. — Мы с радостью уточним и сообщим вам.

Секунда паузы.

— Я поднимусь лично, — голос становится ещё мягче. — Оставайтесь, пожалуйста, в номере. Мы всегда рядом.

Связь обрывается.

Телефон в руке Дианы становится вдруг тяжёлым, почти болезненно реальным предметом.

Она ходит по комнате. Открывает все шкафчики, заглядывает под кровати. Под первой — только идеально чистый ковёр. Под второй — то же самое. Ни единой пылинки, ни забытых носков, ни бумажки от конфеты. Ничего.

И вот там, под самой стеной, где ковёр встречается с плинтусом, она замечает полоску чего-то серого. Полупрозрачного. Как если бы кто-то провёл пальцем по поверхности и собрал на него весь годовой слой бытовой пыли — только эта пыль как будто светится изнутри.

Она тянется рукой, не веря, что делает это. Пальцы касаются налёта. Он удивительно тёплый — не как пыль, не как пепел. Как кожа.

Она отдёргивает руку. На подушечках остаётся тонкий серый след.

В этот момент в дверь стучат.

Диана вздрагивает.

Оглядывается на зеркало — её отражение выглядит чужим: слишком бледная, глаза широко раскрыты, рот приоткрыт. Волосы слегка выбились из идеальной укладки.

— Миссис Лецкая, — голос из коридора. — Это менеджер по работе с гостями. Можно войти?

Она смотрит на свои пальцы, на серый след. Инстинктивно вытирает руки о халат — и пятно исчезает, не оставив следа ни на ткани, ни на коже.

— Да, — говорит она. Голос звучит сипло. — Войдите. Дверь открывается.

В проёме появляется мужчина в безупречном костюме. Лицо — опять слишком правильное, слишком гладкое. На бейджике — имя, которое Диана не успевает прочитать. За его плечом в коридоре видны ещё две фигуры из персонала.

— Мы проверили все публичные зоны, — говорит он мягко. — Ваша семья, скорее всего, ещё вернётся. Иногда гости любят гулять ночью. Но чтобы вы не переживали, мы предлагаем вам... — он делает маленькую паузу, — эту.

Он протягивает ей планшет. На экране — вкладка «Records / 408».

Там — фотографии и видеозаписи с камер коридора, лобби, ресторана. Она видит, как мать с детьми выходят из номера. Видит, как они заходят в лифт. Видит, как двери закрываются.

Последняя запись — как они выходят в лобби. Мать держит Леру за руку. Тимофей идёт впереди, оглядывается. Они подходят к стойке. Там — тот же Ниран–Прича. Он наклоняется к ним, говорит что-то. Мать кивает. Дети смотрят куда-то в сторону.

Потом они идут в сторону выхода к саду. Камера фиксирует их спины, маленькие фигурки среди идеально ровных линий интерьера.

На дорожке к саду — ещё одна камера. Она показывает только пустую тропинку. Ни матери, ни детей. Как будто они растворились между двумя пикселями.

Диана проворачивает запись назад. Вперёд. Замедляет.

Нигде нет момента, где они повернули бы, спрятались, ушли с кадра. Они просто идут — и перестают быть.

— Это... ошибка, — проходит шёпотом. — Так не бывает.

Менеджер наклоняет голову под углом сочувствия, который выглядит отрепетированным.

— Техника иногда ведёт себя странно, — говорит он. — Но поверьте, у нас всё под контролем. Мы найдём вашу семью. А пока... — он делает шаг ближе, — очень важно, чтобы вы доверяли нам и не волновались.

Слово «доверяли» звучит как команда.

Диана закрывает глаза на секунду. В темноте под веками ей мерещится: мать, Лера, Тимофей идут по идеальной дорожке, а вокруг них воздух становится плотнее, густеет, как

туман. И из этого тумана, из этого воздуха, из невидимой пыли вырастают мягкие, почти ласковые ладони — и уводят их в сторону, туда, где уже нет камер.

Она открывает глаза.

Менеджер всё ещё стоит перед ней с той же мягкой улыбкой.

— Я хочу вызвать полицию, — говорит она.

Он слегка наклоняет голову.

— Конечно, — отвечает. — Мы уже уведомили местные службы. Но пока они приедут... позвольте нам позаботиться о вас. Вы наш гость. А гости у нас никогда не остаются одни. Фраза должна звучать успокаивающе.

Диана почему-то слышит в ней угрозу.

Телефон в её кармане вибрирует. Она достаёт его. На экране — Андрей.

Видеозвонок.

Она смотрит на менеджера, затем на экран.

Две реальности накладываются друг на друга: та, где она жена, которая может сейчас заплакать и сказать «они пропали», и та, где она клиентка премиального отеля, который обещает «идеальный опыт».

— Вы можете говорить позже, — шепчет менеджер. —

Сейчас лучше... прийти в себя.

Диана нажимает «отклонить вызов».

Это её последний выбор в этом дне.

Глава 4. Москва, стерильное утро (1/2)

Будильник срабатывает за минуту до того, как Андрей сам открывает глаза.

Он почти никогда не даёт ему зазвенеть до конца — привычка. Даже во сне организм отсчитывает время. Восемь ноль три. Всегда восемь ноль три, даже по выходным. Так проще держать ритм.

Он лежит, глядя в белый потолок, и пару секунд позволяет себе роскошь не вспоминать, куда сегодня надо, что висит невыполненным, кто ждёт отчётов. Тишина его квартиры — правильная, знакомая. Тут нет внезапных детских криков, разлитого сока, игрушек под ногами. Здесь всё на своих местах.

Телефон на тумбочке мигает небольшой зелёной точкой — уведомления. Андрей протягивает руку, выключает будильник и сразу же открывает почту. Пять новых писем. Никаких сюрпризов: отчёты, запросы, напоминания.

Только потом он открывает мессенджер.

Первое — от Дианы.

Отправлено вчера поздно вечером, уже после того, как он

в очередной раз заснул с ноутбуком на животе, не дождав-
шись конца дня.

«Всё норм. Очень красиво. Работаем ##»

Он читает и кивает сам себе.

«Работаем» — это значит: сторис, интеграции, лайфстайл. Она на своём месте. Он — на своём. И всё это, как бы он ни ворчал, давно стало частью общей экономики их брака.

Следом — ещё одно сообщение, от её матери, пришедшее в два ночи:

«Андрей, у Леры температура. Тут странно. Позвони, когда увидишь.»

Он жмурится. Слово «странно» цепляется, но он привычно отшлифовывает его смысл. У тётки всё «странно», что выходит за пределы её привычного панельного мира. Её тревога — фон, к которому он давно перестал прислушиваться.

Он смотрит на время отправки. 02:07.

Сейчас — 08:03. Шесть часов. Нормально. Они, вероятно, уже у врача отеля, Лере дали сироп, всё под контролем.

Андрей ставит телефон обратно на стол и идёт в ванную.

Его собственная ванная — образцовая. Белая плитка, матовый стеклянный душ, тёмно-серый камень столешницы. Ни одного лишнего предмета: только зубная щётка, бритва, аккуратно сложенное полотенце. Ни детских паст с единоро-

гами, ни рассыпанных резинок для волос.

Он включает воду. Пар медленно заполняет пространство, но даже пар здесь ведёт себя правильно: поднимается ровно вверх, исчезает, не запотев окна. Андрей платил архитекторам и строителям не за квадратные метры, а за контроль. За отсутствие сюрпризов.

Пока он бреется, на полочке рядом вспыхивает экран телефона.

В зеркале отражается мелькание уведомлений: входящий звонок.

Имя — «Людмила (мать Дианы)».

Андрей хмурится, проводит лезвием по щеке ещё раз, смывает пену и только потом отвечает.

— Да, Людмила Петровна?

На том конце слишком быстро и слишком громко:

— Андрей, наконец-то! Ты где был? Я тебе писала!

— Я в ванной был, — он смотрит на своё отражение: слегка припухшие глаза, ни единой морщины на плитке за спиной. — Что случилось? Как Лера?

Пауза длиннее, чем он ожидает.

— Леры нет, — говорит она, и в голосе слышится странная смесь усталости и истерики. — И Тёмы нет. И меня, возможно, тоже уже нет, если честно.

Он моргает.

— В смысле «нет»? — спрашивает механически. — Вы

что, гуляете где-то? Диана где?

— Дианы тоже нет, — выдыхает мать. — Андрей, они пропали. Все. Меня... меня как будто вычеркнули.

Она начинает говорить быстро, сбивчиво, перескакивая с одного на другое: отель, лобби, камеры, менеджер, «они ушли и исчезли между кадрами», «они говорят, что всё под контролем». Андрею удаётся выловить только отдельные слова. Голос Людмилы дрожит, но не так, как при маленьких бытовых катастрофах — простуде, очереди в поликлинике. Здесь дрожь другая, глубокая.

Он держит телефон на расстоянии от уха, чтобы не слышать сплошной поток.

— Подождите, — обрывает он. — Глубокий вдох. Сначала. Где вы сейчас физически?

— В какой-то чёртовой, простите, комнате для персонала, — отвечает она. — Они говорят, что меня перепутали с гостем другого номера. Что я, видите ли, не в системе. Андрюша, я всю жизнь прожила так, что меня хотя бы в ЖЭКе могли найти. А тут...

Она смеётся коротко и зло.

— У меня нет карточки на номер. Нет имени в их планшетах. Нет... ничего. Как будто я никогда не заселялась. Ты понимаешь?

Андрей проходит в кухню, ставит чайник, хотя ему кофе, а не чай.

Мозг ищет рациональное объяснение.

— Документы у вас? — спрашивает он.

— Паспорт в сейфе в номере, — отвечает она. — А номера у меня больше нет, потому что... потому что, по их словам, *никогда не было семейного размещения*. Они говорят, что Диана приехала одна. Одна, Андрей.

Чайник щёлкает, ещё даже не нагревшись как следует. Андрей смотрит в окно: за стеклом его восьмого этажа — серый московский ноябрь, машины, ленты дорог. Люди идут на работу. Ни одной пальмы, ни одного бассейна.

— Это абсурд, — говорит он. — Они ошиблись. Такое бывает. Людмила Петровна, вы... вы же умеете преувеличивать.

Он говорит это автоматически, повторяя старую, удобную формулу. На том конце связи повисает тишина, и он почти слышит, как мать Дианы хмыкает.

— Конечно, Андрей, — медленно произносит она. — Конечно, это я преувеличиваю, что исчезли трое человек и номер, в котором мы жили.

Он открывает ноутбук, стоит посреди кухни, с телефоном у уха, и одновременно пытается вывести на экран бронь отеля. Почта, папка «Travel».

Есть письмо: «Booking Confirmation — Prapaion Exclusive Resort». На нём чётко: **4 guests**. Двое взрослых, двое детей.

Он делает скриншот, почти машинально.

— У меня в письме четыре человека, — говорит он. — Это значит, что в системе отеля тоже четыре. Они не могут...

Он не договаривает. Внутри что-то нехорошо подворачивается.

Если он сейчас признает, что «не могут», придётся признать и то, что происходит что-то, выходящее за рамки его привычной геометрии.

— Андрюша, — голос Людмилы становится вдруг очень тихим. — Ты понимаешь, они мне показали камеры. Мы идём. А потом нас нет. Как в фильме. Только это не фильм. И... — она запинается, — и Диана. Она... как будто... как будто не удивлена.

— В смысле? — он резко выпрямляется. — Ты говорила с ней?

— Я... — она тяжело вздыхает. — Я... не уверена, с кем я говорила.

Фраза странная.

Андрей, который умеет держать в голове одновременно цифры по трём проектам, вдруг чувствует себя человеком, которому пытаются объяснить на новом языке, где он знает только базовые слова.

— Я вылетаю, — говорит он. Слывит свой голос со стороны и удивляется, насколько он твёрдый. — Скидывайте мне, где вы. Отель, контакты менеджера, всё. Я... разберусь.

Это звучит уверенно. Так он говорит клиентам, когда в проекте происходит очередной пожар.

На самом деле у него нет ни малейшего понятия, что он будет делать в чужой стране, в роскошном отеле, где люди исчезают между камерами.

Но признать это он не может.

— Тебе далеко лететь, — шепчет Людмила. — А они... они уже как будто решили за нас. Тут воздух какой-то... неправильный. Как в больнице, где слишком чисто.

Андрей оглядывается на свою кухню.

Воздух здесь правильный. Он сам подбирал систему очистки. Фильтры меняются по графику. Аллергия давно не напоминает о себе. Никаких пылинок на столешнице — он проверяет автоматически, проводя пальцем. Чисто.

Ему вдруг вспоминается, как пару лет назад он сказал Диане: «Я не понимаю, как можно жить в хаосе. Всё должно быть под контролем».

Она тогда рассмеялась в камеру, сняла его и выложила сторис с подписью: «*Мой контрол-фрик ##*».

Сейчас он впервые думает: а что, если контроль — это тоже просто форма страха?

— Я буду в Таиланде завтра, — говорит он. — Или сегодня ночью, если найду ночной рейс.

— Лети, — отвечает мать. — Только... только не верь им,

ладно? Здесь всё вылизано так, что не за что уцепиться. Ты у нас умный. Ты увидишь.

Они прощаются.

Он кладёт телефон на стол и почти сразу набирает Диану. Гудки идут долго. Слишком долго.

Он слушает пустой звук ожидания и смотрит на белые стены своей кухни, как на декорацию, которая в любой момент может оказаться картонной.

На пятом гудке звонок обрывается.

Появляется надпись: *«Пользователь недоступен»*.

Андрей стискивает телефон в руке так, что костяшки белеют.

Секунда, другая. Рациональный голос внутри тут же поднимается, как дежурная смена:

«Ну, мало ли. Мог сесть телефон. Могла уйти от Wi-Fi. Могли быть проблемы с роумингом. Это Таиланд, там всё через одно место.»

Он делает то, что всегда делает, когда тревога пытается выйти за рамки: открывает календарь.

Сегодня — вторник.

На день запланировано три созвона, один оффлайн с кли-

ентом, вечером — просмотр презентаций. Он смотрит на эти блоки, как на фигурки на шахматной доске. Переставить? Отменить? Оставить?

Пальцы сами нажимают «перенести» на каждом событии.

Вместо «причины переноса» он пишет сухое: «*Семейные обстоятельства*».

Через минуту приходят первые ответные письма: «Конечно, Андрей, держите в курсе», «Если что-то нужно, пишите». Он отвечает: «Спасибо, всё под контролем» — и чувствует, как от этой фразы внутри становится только хуже.

Он открывает вкладку авиабилетов.

Москва — Бангкок. Ближайший прямой — вечером, с прилётом утром по местному времени. Есть вариант с пересадкой, но тогда он выиграет максимум пару часов и потеряет силы.

Он выбирает прямой.

Кредитка проходит без отказа. В письме появляется подтверждение. В голове автоматически начинает работать логистика: такси до аэропорта, время на сборы, сколько часов сна удастся вырвать в самолёте.

И только потом до него доходит: он даже не знает, где именно сейчас Людмила. В каком крыле отеля, с кем.

Он пишет ей коротко: *«Вылетаю сегодня. Буду завтра утром. Не подписывайте никаких бумаг. Всё, что дают, фотографируйте.»*

Потом добавляет: *«И не оставайтесь одна.»*

Он читает последнее и стирает.

Слишком поздно быть заботливым.

Квартира, которую он так тщательно строил под себя, вдруг начинает казаться ему декорацией. Он ходит по комнатам, собирая вещи: документы, пару рубашек, лекарства от аллергии, зарядки. Каждый предмет ложится в чемодан рационально, почти бездумно.

В спальне на комодe — рамка с фотографией.

Она стоит там давно, настолько давно, что превратилась в часть фона: он перестал на неё смотреть. Сейчас взгляд цепляется.

На фото — они с Дианой и детьми на каком-то более раннем курорте. Ещё до всех этих больших интеграций и больших кредитов. Тогда у него был пузатый старый чемодан, у неё — обычный купальник без логотипа бренда. Лера на фото совсем маленькая, на руках. Тимофей держится за штанину Андрея, хмурится на солнце.

Диана смеётся, запрокинув голову.

Она тогда ещё умела смеяться так, не проверяя, как это выглядит со стороны.

Андрей берёт рамку, протирает стекло от невидимой пыли.

Пыли, конечно, нет — домработница приходит два раза в неделю. Но движение само по себе — успокаивающее. Он привык знать, что любая грязь, любой след можно стереть.

Он ловит себя на мысли: а что бы он ответил, если бы сейчас кто-то спросил, какая Диана «настоящая» — эта с фотографии, смеющаяся с мокрыми волосами и ребёнком на руках, или та, которая пишет «работаем ##» из роскошного отеля, выкладывая отредактированные кадры?

Он не знает.

И от того, что не знает, внутри шевелится лёгкий, неприятный холодок. Он всегда считал, что правда — там, где голые факты: суммы в отчёте, количество постов, подписчики, вовлечённость. Всё, что можно посчитать. А чувства — это шум.

Теперь шум оказался единственным, что у него есть.

По дороге в аэропорт он несколько раз пытается позвонить до Дианы.

Каждый раз — тот же результат: «Пользователь недоступен».

Он пишет ей:

«Ди, ответь. Мама говорит, что вы пропали. Я лечу.»

Потом ещё одно:

«Если это какой-то твой дурацкий розыгрыш или коллаб, я...»

Он не дописывает угрозу. Стирает сообщение. Пишет другое:

«Мне страшно.»

Смотрит на это признание, как на что-то чужое. Он никогда так не формулирует. Ни с ней, ни с кем бы то ни было.

Снова стирает. В итоге отправляет нейтральное:

«Я вылетаю. Буду завтра. Держись.»

Телефон остаётся немым.

Таксист болтает о пробках, о курсе доллара, о том, что «в Тае классно, брат, сам был — пляжи огонь». Андрей кивает, не слушая. За окнами — серые дома, рекламные щиты, знакомые развязки. Он знает каждый поворот, каждую ямку на этой дороге. Оно успокаивает и раздражает одновременно.

Перед въездом в аэропорт он чувствует лёгкое щекотание

в носу. Потом второе. Непривычное.

Он чихает. Раз. Второй.

«Кондиционер в машине», — говорит себе.

«Смена температур», — поддакивает внутренний голос.

Он не вспоминает то время, когда аллергия была его ежедневным кошмаром: когда любое весеннее окно превращалось в пытку, когда пыль, шерсть, даже запах старых книг могли уложить его с астматическим приступом. Он долго вытеснял эти воспоминания, так же тщательно, как вытеснял многие разговоры с Дианой о её страхах.

Но тело помнит по-своему.

В момент, когда он выходит из машины к стеклянным дверям аэропорта, в горле появляется едва ощутимое, но очень знакомое ощущение: как будто воздух стал на полтона тяжелее.

Он останавливается, смотрит на своё отражение в тёмном стекле входа.

Костюм, чемодан на колёсиках, чёрная сумка с ноутбуком. Идеальный, собранный мужчина средних лет, едущий решать «семейные обстоятельства».

«Ты у нас умный. Ты увидишь», — звучит в голове голос Людмилы.

Он делает шаг вперёд и входит внутрь.

В самолёте он почти не спит.

Сначала пытается работать: открывает ноутбук, читает письма, вносит правки в презентацию, будто это способ сохранить связи с нормальностью. Но слова расплываются. Графики теряют смысл. Всё, что не связано сейчас с Прапайоном, кажется ненастоящим.

Он открывает Инстаграм.

На её странице всё так же красиво. Последняя сторис — бокал на фоне заката. Последний пост — фото с ужина, где они вдвоём с детьми и матерью. Комментарии под ним продолжают множиться:

«Какая красивая семья!»

«Вы сияете!»

«Мечта.»

Андрей увеличивает картинку.

Разглядывает лица.

У Леры глаза чуть припухшие. У матери — сжатые губы. У Тимофея — какой-то взрослый, настороженный взгляд. Диана — единственная, кто улыбается полноценной улыб-

кой. Но теперь, когда он знает, что произошло после этого кадра, улыбка кажется ему маской, натянутой на трещины.

Он замечает ещё одну деталь, на которую не обратил бы внимания раньше: зеркальная поверхность окна за их спинами. Там, в отражении, словно бы присутствует ещё одна фигура — чуть размытая, чуть не в фокусе. Высокая, в светлой рубашке. Он ловит себя на том, что вглядывается, пытаюсь различить черты лица.

В какой-то момент он замечает, что у него снова зудит в носу.

Воздух в салоне сухой, кондиционированный. Но нос чутко реагирует, как когда-то в детстве на старую библиотеку с пыльными стеллажами.

Он откидывается на спинку кресла, закрывает глаза.

Внутри, под грубой оболочкой рациональности и сарказма, под слоями отчётов и ежемесячных планов, медленно растёт ощущение, которого он давно боялся больше всего:

ощущение, что на этот раз он ничего не контролирует.

И что его привычка «не раздувать проблему, пока нет фактов» обернулась тем, что фактов теперь может не остаться вовсе.

Глава 5. Прапайон встречается

Жара ударяет в лицо сразу, как только он выходит из прохладного коридора самолёта.

Андрей всегда ненавидел это ощущение — словно тебя накрывают влажным полотенцем. Воздух густой, пахнет ке-росином, тропической зеленью и потом сотен людей, стоящих в очереди на паспортный контроль. Он идёт по рукаву, держась чуть в стороне от плотного потока — рефлекс: не любить толпу.

В очереди он замечает, что вокруг почти у всех одинаковые лица.

Не в буквальном смысле, но в выражении: усталость, предвкушение, лёгкая раздражённость. Туристы в шортах, женщины в летящих платьях, дети, волочащие рюкзаки. Все приехали «отдохнуть», расслабиться. Он — нет.

Он сжимает в руках распечатку брони. Чёрным по белому: **Prapaion Exclusive Resort — 4 guests**. Это его первый аргумент в предстоящем разговоре. Бумага в руках — якорь.

Паспортный контроль проходит без проблем. Пограничница автоматически штампует паспорт, даже не смотря на него толком. Для неё он — очередной «Mr. Andrey», ещё один мужчина с российским паспортом, который летит в рай и не знает, что его ждёт.

В зале прилёта его уже ждут.

У выхода из зоны получения багажа стоит мужчина с табличкой: «**LETSKAYA**».

Андрей на секунду злится на то, что отель не потрудился исправить фамилию на мужскую. Потом понимает, что, возможно, это даже к лучшему: они ждали Диану. Получили его.

Мужчина в светлом костюме, с нейтральной улыбкой, делает шаг навстречу.

— Mr. Andrey Letskaya? — спрашивает он на удивительно чистом английском.

— *Letsky*, — автоматически поправляет Андрей. — Да.

— Добро пожаловать в «Прапайон», — мужчина чуть кланяется. — Меня зовут Тан. Я менеджер по работе с... — короткая пауза, — особенными гостями.

Слово «особенными» режет слух.

Андрей оценивает его взглядом: возраст около тридцати, идеальная стрижка, идеально сидящий костюм. На бейджике — *Than W.* Лицо приятное, но при этом... у Андрея возникает то же чувство, что при взгляде на рендеры интерьеров: красиво, но не за что зацепиться.

— Ваша жена и дети уже... — он запинается, — они... ждут?

Он специально формулирует так, как если бы ничего не произошло. Как будто просто уточняет.

Тан не моргает.

— Мы очень сожалеем о недоразумении, — произносит

он заранее заготовленной интонацией. — Ваше прибытие... своевременно. Мы сделаем всё возможное, чтобы прояснить ситуацию.

«Недоразумение» — это слово, которым обычно называют сбой в платёжке или ошибку в брони. Не исчезновение троих людей.

Андрей кивает, но внутри его будто кто-то тихо царапает по стеклу.

— Где Людмила Петровна? — спрашивает он. — Мать Дианы.

— В безопасном месте, — отвечает Тан, не меняя выражения лица. — Мы заботимся о её комфорте. Она очень... взволнована. Возможно, сейчас лучше, если вы сначала разместитесь и немного отдохнёте после перелёта. А потом мы поговорим все вместе.

«Разместитесь, отдохнёте» — стандартные фразы любого сервиса.

Если забыть контекст, всё звучит логично. Но контекст забыть невозможно.

— Я не устал, — говорит Андрей. — Я хочу увидеть её. И посмотреть записи. Все, что у вас есть.

Тан на секунду делает паузу. В его глазах мелькает что-то — может быть, раздражение, может, оценка. Потом он вновь улыбается.

— Разумеется, — кивает он. — Но сначала позвольте за-

брать ваш багаж.

Он уже даёт знак молодому человеку в белой рубашке и серых брюках, который выныривает из толпы у ленты. Тот ловко хватается чемодан Андрея, кивает и катит его к выходу, ни разу не посмотрев ему в глаза.

Дорога до отеля занимает чуть меньше часа.

Андрей сидит на заднем сиденье белого минивэна, глядя на город за окном. Сначала — плотная застройка, торговые центры, вывески на тайском и английском. Потом — постепенно всё редет, асфальт сменяется более узкой дорогой, по сторонам — зелень, редкие домики.

Тан сидит впереди, рядом с водителем. Время от времени поворачивается, чтобы что-то сказать, но Андрей отвечает односложным «да», «нет» или «понял». Разговор не клеится. У каждого — своя повестка.

Когда минивэн наконец въезжает под арку с надписью **Prapaion Exclusive Resort**, у Андрея в горле словно что-то слегка сжимается.

Отель появляется внезапно — как картинка из рекламного буклета, вставленная в джунгли. Белые здания с ровными линиями, террасы, стекло, вода. Всё — слишком правильное. Никакой случайной архитектуры, никакой бытовой мелочи. Будто не место, где живут, а пространство, где снимают.

У центрального входа их встречают сразу. Двое портье, девушка с подносом напитков, ещё один человек в костюме. Улыбки включаются синхронно, как если бы у всех был один пульт.

Андрей делает шаг на идеально чистую плитку. В нос слегка ударяет новый запах: смесь дорогого освежителя воздуха, цитрусов, чего-то еле уловимого стерильного. Как в дорогой клинике, где пытаются заглушить запах лекарств.

Он чувствует лёгкое покалывание в ноздрах.

«Реакция на влажность», — говорит мозг.

«Знакомое начало», — шепчет тело, вспоминая прошлое.

— Добро пожаловать домой, мистер Лец... Лецкий, — уточняет девушка с напитками, заглянув в планшет. — Это наш фирменный приветственный коктейль. Безалкогольный. Очень освежает.

Он берёт стакан. Лёд звенит о стекло. Напиток прозрачный, с тонкой мятной веточкой. Он подносит его к губам, но не пьёт. В отражении стеклянной двери лобби видит себя: слегка помятый после перелёта, но всё ещё собранный. За его спиной — работники отеля, в идеальных формах.

Никого из его семьи.

— Где она? — спрашивает он тихо, больше даже не у конкретного человека, а у этого вылизанного пространства.

Тан кладёт руку ему на локоть — лёгкое, почти невесомое касание.

— Пойдёмте, — говорит он. — Мы поговорим в более...
приватной обстановке.

Андрей выдёргивает руку. Ему не нравится чужой физический контакт. Не нравится слово «приватной», произнесённое здесь.

Но он идёт.

Лобби действительно похоже на храм.

Высокие потолки, белый камень, огромные окна во всю стену, выходящие на бассейн и море. Никаких диванов с помятыми подушками, никаких сувенирных лавочек. Только два-три крупных абстрактных объекта искусства, которые можно трактовать как угодно: волна, облако, пламя.

Где-то тихо играет музыка — ненавязчивый ambient, который будто призван сгладить любые острые углы в психике гостя.

Андрей идёт по этому пространству и чувствует, как внутри у него, наоборот, всё начинает скрипеть.

На стойке ресепшен — она же. Та же девушка, что на фото Дианы? Нет, другая. Но в чертах есть странное сходство — не конкретное, а общее: одинаково гладкая кожа, одинаковая форма улыбки.

— Господин Лецкий прибыл, — говорит Тан по-тайски. Девушка кивает, что-то отмечает в планшете. На секунду

поднимает глаза. Взгляд — вежливый, но пустой.

— У вас был длительный перелёт, — говорит она по-английски. — Ваш номер уже готов. Мы... очень сожалеем о беспокойстве, которое вам доставляет текущее недоразумение. Менеджер службы безопасности присоединится к вам через несколько минут, чтобы обсудить ситуацию.

Андрей кладёт на стойку распечатку брони.

— Здесь чётко написано: четыре гостя, — говорит он. — Моя жена, двое детей, её мать. Они заселялись сюда. Вы их видели. Вы их регистрировали.

Девушка кидает быстрый взгляд на бумагу, потом — в планшет.

— В вашей броне действительно было указано четыре гостя, — говорит она. — Но фактически, согласно нашим записям, на ресепшен в день заселения прибыла только миссис Диана Лецкая. Она подтвердила информацию, что путешествует одна.

Андрей чувствует, как у него в ногах появляется неприятная пустота, словно пол на миллиметр уходит вниз.

— Это неправда, — спокойно говорит он. — У меня есть сообщение от её матери. Фотографии. Сторис. — он открывает Инстаграм, показывает последние посты. — Вот. Вы — здесь. Лобби — здесь. Они — здесь.

Он почти тычет телефоном в лицо девушке, та не отступает, только смотрит на экран. На секунду её улыбка дрогнет — едва, чуть заметно.

— Очень красивые фотографии, — говорит она. — Миссис Лецкая умеет... подать картинку.

Фраза звучит иначе, чем обычное «so beautiful». В ней — оттенок признания профессионализма.

— Это не «картинка», — сдержанно отвечает Андрей. — Это доказательство.

Он чувствует, что голос начинает срываться, берёт себя за горло изнутри. Нельзя. Если он сейчас сорвётся, они запишут его в графу «эмоционально нестабильный родственник» — и будет ещё сложнее.

Тан чуть поворачивается к девушке.

— Пожалуйста, проводите мистера Лецкого в комнату переговоров, — говорит он. — И пригласите господина Сатира.

Андрей впервые слышит это имя. «Сатир» в его голове звучит как неудачная кличка, но в устах Тана — как должность.

— Где Людмила Петровна? — спрашивает он снова. — Я хочу видеть её.

— Она немного устала, — отвечает Тан. — Ей предоставили отдельное помещение для отдыха. Мы приведём её, как только вы оба будете готовы к конструктивному разговору.

«Ей предоставили отдельное помещение» — формулировка, которую он слышал в корпоративной среде, когда речь шла о неудобных партнёрах: посадить в переговорку с кофе, пока «сверху решают».

Он идёт за девушкой по коридору.

Пол под ногами — мягкий, ковёр глушит шаги. Стены — всё те же белые, идеальные. Ни одной картины, ни одного окна — только редкие, минималистичные светильники. Пространство начинает напоминать компьютерную игру: коридоры уровня, где игрока ведут из точки А в точку Б, не давая свернуть.

Воздух здесь ещё холоднее, чем в лобби.

Андрей впервые замечает, что при каждом вдохе грудь будто упирается во что-то невидимое. Как если бы воздух был насыщен чем-то, помимо кислорода.

Он тихо кашляет. Один раз. Второй.

Девушка оборачивается.

— Всё в порядке, мистер Лецкий? — спрашивает она. — Если хотите, мы можем изменить климат-контроль в вашем номере, чтобы он лучше подходил вашим... особенностям.

Он скидывает на неё взгляд.

— Вы знаете об аллергии? — спрашивает.

Она слегка улыбается.

— Мы знаем многое о наших гостях, — отвечает. — Это часть нашего сервиса.

Идёт дальше.

Андрей останавливается на секунду, прижимает руку к груди.

Лёгкое покалывание в бронхах. Пока это — не приступ. Это предупреждение.

Он делает глубокий вдох и идёт следом.

Впереди открывается дверь с матовым стеклом. За ним — «комната переговоров», как любили говорить в его офисе: стол, несколько кресел, большой экран на стене, бутылки с водой, идеально выровненные, как солдаты.

И где-то за пределами этих стен — три человека, которые исчезли «между кадрами».

Он впервые думает: возможно, на этот раз его аллергия — не слабость, а единственное, что не даст ему раствориться в этом вылизанном пространстве.

В комнате переговоров прохладнее, чем в коридоре.

Холод здесь уже не просто приятен — он почти агрессивен, как в серверной, где технику охлаждают до идеальных температур.

Андрей садится в ближайшее кресло. Кожа скрипит под ним. Стол перед ним — чёрное стекло. В отражении виден его собственный силуэт и потолочные светильники, выстроенные в безупречную линию.

Через минуту дверь открывается.

Входит мужчина лет пятидесяти, в таком же безупречном костюме, как у Тана, только чуть более дорогом. Волосы тронуты сединой, лицо... как будто тщательно подобрано:

ни слишком строгое, ни слишком мягкое. «Доверительное», как у ведущих утренних шоу.

— Господин Лецкий, — он протягивает руку. — Меня зовут Сатир. Я отвечаю за безопасность «Прапайона».

Рукопожатие твёрдое, но не чрезмерное. Отточенное.

— За безопасность кого? — спрашивает Андрей. — Гостей или репутации?

Сатир улыбается, словно признал удачную шутку.

— Они часто совпадают, — говорит он. — Но сейчас в центре внимания — ваша семья. Прежде всего, позвольте выразить глубочайшее сожаление, что ваш визит в наш дом начался с волнения.

Андрей не отвечает.

Он смотрит, как Сатир садится напротив, открывает планшет. Ждёт, когда тот перестанет говорить общими фразами.

— Итак, — Сатир складывает руки на столе. — Наша первостепенная задача — восстановить объективную картину событий. Для этого я предлагаю опираться не только на эмоции, но и на данные. Вы согласны?

Слово «данные» должно было успокоить Андрея. Это его территория.

Вместо этого оно вызывает отвращение. Когда речь идёт о Диане и детях, ему внезапно хочется, чтобы речь шла *именно* об эмоциях.

— Начните, — говорит он.

На стене за спиной Сатира оживает экран.

Появляется интерфейс системы видеонаблюдения. Несколько камер: лобби, вход, коридор, лифты. Всё — в холодных тонах, с метками времени.

— Вот день прибытия вашей семьи, — говорит Сатир. — Вашей жены.

Он запускает запись.

Андрей видит Диану в лобби: легко одетую, с чемоданом, с телефоном в руке. Она подходит к стойке, что-то говорит, улыбается. Никаких детей. Никакой Людмилы.

— Это монтаж, — вырывается у него. — Они были с ней. Мне прислали фотографии.

— Мы проверяли все камеры, — спокойно отвечает Сатир. — Ни одного кадра, где с ней были бы другие люди. Возможно, часть вашей информации основана на...

Он делает паузу, подбирая формулировку.

— ...креативном представлении реальности.

«Креативное представление реальности» — эвфемизм для «инстаграм-ложь». Андрей чувствует, как что-то горячее поднимается к горлу.

— Это вы хотите сказать, что моя жена... — он с трудом подбирает слова, — инсценировала отпуск с детьми и матерью, находясь здесь одна?

— Я ничего не хочу сказать, — мягко возражает Сатир.
— Я лишь показываю, что есть в системе. Сейчас важнее не то, что кто-то хотел бы верить, а то, что может быть подтверждено.

Он переключает запись.

Теперь — тот самый вечер.

Мать Дианы и дети выходят из лифта, идут по коридору. Это та же картина, что показывала Людмила: Лера чуть притормаживает, Тимофей оглядывается, мать что-то говорит, ускоряя шаг. Они проходят мимо камеры. Метка времени — 19:42.

Следующий кадр — лобби. Они подходят к стойке. Ниран–Прича улыбается, наклоняется к ним. Мать что-то объясняет, дети топчутся рядом. Потом они все вместе идут в сторону сада.

Дальше — пустота.

Камера на выходе к саду показывает только дорожку, освещённую фонарями. Никто не появляется ни до, ни после указанного времени. Как будто между лобби и садом пространство переломилось.

— Здесь должен быть ещё один ракурс, — говорит Андрей. — Вы же не оставили слепую зону.

— У нас нет слепых зон, — уверенно отвечает Сатир. — Именно поэтому мы так ценим доверие наших гостей.

Фраза нелепая: «нет слепых зон» и «ценим доверие» в одном предложении. Но он произносит её как мантру.

— Тогда покажите всё, что было с 19:42 до... — Андрей смотрит на метку, — до настоящего момента. Все камеры. Не нарезки, не выборочные куски. Ленту.

Сатир чуть наклоняет голову.

— Это займёт много времени, — говорит он. — И вряд ли даст вам... эмоциональное облегчение. Мы уже отсмотрели ключевые фрагменты.

— Меня не интересует ваше мнение о моих эмоциях, — резко отвечает Андрей. — Я хочу видеть.

На секунду в комнате становится ещё холоднее.

Сатир смотрит на него долговато, словно оценивает, насколько далеко гость готов зайти.

Потом пожимает плечами.

— Хорошо, — говорит. — Но перед этим позвольте задать один вопрос.

Он отодвигает планшет, складывает руки.

— Насколько хорошо вы знали свою жену, господин Лецкий? Не как образ в сети. Как человека.

Вопрос попадает в цель, как игла в тонкое место.

Андрей открывает рот, чтобы ответить автоматически: «очень хорошо», «мы прожили вместе столько-то лет», «я знаю её лучше всех». Но слова застревают.

В памяти всплывает сцена: Диана в ванной, плачущая, а

он стучится в дверь и говорит: «Ну перестань драматизировать». Другая сцена: она в ночи пишет что-то в телефоне, а он отворачивается, решив, что это «её блогерство». Третья: та самая сторис с «Мой контрол-фрик», где он в кадре больше как карикатура, чем как муж.

Он хватался за её образ, который она сама создавала.

Человека под этим образом он давно не пытался рассмотреть.

— Достаточно хорошо, чтобы знать: она не бросила бы детей, — наконец говорит он. Слишком медленно, чтобы звучать полностью уверенно.

Сатир кивает, словно получил ожидаемый ответ.

— Наш опыт показывает, — говорит он, — что иногда самые неожиданные вещи происходят именно с теми, кого мы считаем «никогда бы так не сделали».

Андрей подаётся вперёд.

— Наш опыт? — повторяет. — Часто такое бывает? Люди пропадают? Люди «меняют своё поведение»?

— В любом бизнесе есть статистика, — уклончиво отвечает Сатир. — Давайте сосредоточимся на вашем случае.

Он вводит что-то на планшете. На экране мелькают линии времени, списки камер.

Андрей смотрит на этот интерфейс и внезапно понимает: всю жизнь он доверял цифрам, системам, техническим

средствам фиксации реальности. Сейчас эта система говорит ему: «их здесь не было». И он впервые чувствует, как это — когда техника не подтверждает твою правду.

В уголке экрана вдруг мелькает что-то странное: на одном из кадров из коридора на секунду появляется лёгкая, едва заметная дымка, будто камера поймала пылинку слишком близко к объективу. Дымка дрожит, затем исчезает.

— Это что? — спрашивает он, показывая рукой.

Сатир даже не оборачивается.

— Артефакт записи, — отвечает. — Сжатие потока. Не волнуйтесь, это не имеет значения.

«Не имеет значения» — фраза, которая всегда означала: «Это не вписывается в нашу версию».

Андрей внезапно чувствует зуд не только в носу, но и где-то глубже, в груди.

Как будто воздух в комнате стал чуть гуще. Он делает вдох — и ощущает лёгкое сопротивление, которого не было утром.

— Я хочу поговорить с Людмилой Петровной прямо сейчас, — говорит он.

— Конечно, — кивает Сатир. — Мы пригласим её. И заодно подготовим для вас временный доступ к вашим... — он ищет слово, — цифровым воспоминаниям. Возможно, это поможет восстановить цепочку событий.

«Цифровые воспоминания» — ещё один термин, который

должен звучать современно и заботливо.

Андрею впервые приходит в голову мысль, что здесь любят переименовывать вещи: пропажу — в «недоразумение», фальшь — в «креативное представление», отсутствие — в «особый опыт».

— А если нет? — тихо спрашивает он. — Если ничего не восстановится?

Сатир улыбается так, как улыбаются люди, которые верят, что у них всегда есть ответ.

— Тогда мы предложим вам другое решение, — говорит он. — Более... окончательное.

Фраза повисает в холодном воздухе.

Андрей понимает, что пока ещё не знает настоящего масштаба того, что происходит в «Прапайоне». Но уже чувствует: речь пойдёт не только о том, чтобы найти пропавших. Ему придётся разобраться, где заканчиваются «данные» и начинаются призраки.

А его собственное тело — с его аллергией и памятью на мелочи — может оказаться единственным инструментом, который нельзя подправить фильтром.

Глава 6. Та, которой «нет»

Людмилу привозят, как проблемного гостя.

Не под ручку, не в наручниках, но сопровождаемую. Двое

сотрудников в форме идут чуть позади, будто просто «помогают с ориентацией», но угол их плеч, расстояние до неё, синхронность шагов выдают: это эскорт, а не сопровождение.

Андрей встаёт, как только дверь открывается.

Первое, что его поражает — как она постарела за эти дни.

Он привык к её образу: крепкая женщина за шестьдесят, с прямой спиной, вечно недовольным выражением лица и удивительной выносливостью. Сейчас её плечи чуть опущены, волосы сбились из привычного пучка, под глазами — синеватые круги. Вместо привычной уверенности — растерянность и злость.

— Андрюша, — выдыхает она. В этом «Андрюша» слышится всё: и надежда, и упрёк, и облегчение.

Он делает шаг к ней.

— Людмила Петровна, — говорит он, — вы в порядке?

Она смотрит на него так, будто проверяет, он ли это. Как будто в этом отеле, где уже исчезли три человека, она допускает мысль, что и он может быть чем-то «не таким».

— Я... пока да, — отвечает она. — Хотя они очень стараются убедить меня в обратном.

Сотрудники остаются у двери. Андрей бросает на них взгляд.

— Можете оставить нас? — спрашивает он.

Сатир, который всё время был в комнате, делает жест ру-

кой.

— Мы рядом, — говорит он Людмиле мягко. — Если вам станет плохо...

— Мне станет плохо, если вы не уйдёте, — отрезает она по-русски.

Сатир не понимает слов, но считывает тон. Кивает. Сотрудники выходят, дверь закрывается. В комнате остаётся только трое: Андрей, Людмила и холодный свет.

Она опускается в кресло, тяжело, как человек, у которого забрали опору.

— Ты выглядишь... — она взмахивает рукой, — нормально. Как будто это всё опять я придумала.

— Я только что прилетел, — говорит Андрей. — Рассказывайте по порядку. Всё, что помните. Я буду задавать вопросы, хорошо?

Он говорит так, как привык говорить на кризисных встречах: структурно, спокойно. Это помогает ему держать дистанцию от собственного страха.

Людмила усмехается.

— По порядку, — повторяет она. — По порядку всё началось ещё в Москве. Но если ты про здесь...

Она глубоко вздыхает.

— В тот вечер после ужина Лера опять пожаловалась на головную боль. Я сказала Диане: «Давай уйдём пораньше. Пусть дети лягут». Она упёрлась: мол, нужно ещё с менеджером сфотографироваться, они там какая-то коллаборация. В

общем, мы... — она запирается на секунду, подбирая слова, — мы пошли в номер сами. Диана осталась в ресторане.

Это совпадает с тем, что Андрей видел на камере.

— Мы поднялись, — продолжает Людмила. — Лера сразу лёгка, Тёма в планшет уткнулся. Я подумала: пусть. Один раз в жизни пусть посидит без режима. Хотела тебе написать, но связь прыгала, я отложила. Потом Лера сказала, что ей душно. Я решила спуститься на ресепшен, узнать насчёт врача. И вот...

Она смотрит на него внимательно.

— Вот здесь начинается то, во что ты, скорее всего, не поверишь.

Андрей жестом показывает: продолжайте.

— Мы вышли из номера, — говорит она. — Я сама карточкой дверь закрыла. По коридору, в лифт, в лобби. Всё как обычно. Потом подошли к стойке. Там этот... как его... — она сжимает пальцы, — с лицом, как у манекена. Он улыбается, как робот, говорит свои заученные фразы. Я объяснила, что ребёнку плохо, спросила насчёт врача. Он кивнул, сказал: «Сейчас уточню», куда-то позвонил. Потом, — она делает акцент, — он сказал: «Пожалуйста, проходите в сад. Там свежий воздух». И показал рукой.

Она замолкает на секунду. Андрей знает, что сейчас на записи именно этот момент: они уходят в сторону сада.

— Мы пошли, — говорит она. — Потому что кабы... — она раздражённо машет рукой, — потому что я идиотка, вот

почему. Поверила их «свежему воздуху». Представь: дверь стеклянная, дорожка, фонари. Вроде всё нормально. Мы выходим. Лера держит меня за руку, Тёма прыгает. Я говорю: «Только далеко не уходите, я сейчас». И... — она сглатывает, — и в какой-то момент я понимаю, что их руки... ушли.

Андрей напрягается.

— Ушли — это как? — спрашивает он.

— Как из сна, — выдыхает она. — Вот стояли — и уже нет. Это не то, что они убежали. Не то, что кто-то их схватил. Просто... я шла, поворачиваюсь — и понимаю, что иду одна. Никого. Пусто. Как будто они были дорисованы на мой кадр, а потом кто-то слой убрал.

Она смеётся коротко, нервно.

— Я сначала подумала, что я с ума сошла. Начала кричать, бегать, всех звать. Прибежали они. — Она кивает в сторону двери, за которой остались сотрудники. — Гладкие. Улыбчивые. Говорят: «Мэм, успокойтесь, ваши внуки, наверное, убежали на площадку. Мы всё найдём».

— Ты пошла на площадку? — спрашивает Андрей.

— Конечно, — почти кричит она. — Оббегала весь этот их стерильный рай. Площадка пустая. Пляж пустой. бассейн пустой. Как будто всех гостей на время моей паники выключили. Только персонал. Они везде, как муравьи, но никаких детей.

Она замолкает, дыхание тяжёлое.

— Потом меня «пригласили» в эту комнату, — говорит

тише. — Сказали: «Давайте, мы посмотрим камеры». Показали, как мы выходим из лифта, подходим к стойке, идём... и всё. Дальше — пусто. Я говорю: «А дальше?» Они: «Дальше ничего. Вы были одна». Я им: «Да вот же!» — она вскидывает руку, как будто снова тычет пальцем в экран, — на плёнке видно, что дети рядом. Они делают вид, что не видят. Как будто... — она ищет сравнение, — как будто у них фильтр стоит: убирает всё, что им мешает.

Андрей вспоминает тот странный «артефакт» на записи — дрожащую дымку в углу.

— Ты уверена, что они не убежали? — спрашивает он, уже ненавидя себя за этот вопрос.

— Андрей, — она смотрит прямо. — Я держала Леру за руку. До последней секунды. Я помню тепло её пальцев. Я помню, что сказала: «Только никуда не уходить». И... — она закрывает глаза, — и в какой-то момент почувствовала под пальцами пустоту. Не рывок, не движение. Пустоту. Как будто рука растворилась.

Она открывает глаза.

— Ты инженер. Ты любишь схемы. Объясни мне это схемой.

Он молчит.

В голове вертятся слова, которые не подходят к схеме: «аномалия», «сбой реальности», «...или кто-то сознательно редактирует картинку».

— После этого, — продолжает Людмила, — они начали со мной играть. Сначала говорили, что всё найдут. Потом — что, возможно, я переутомилась, перепутала этаж, номер, детей. Потом... — она усмехается, — потом объявили, что в базе я числюсь как «гость 512», который давно выехал. Понимаешь? Меня сделали лишней. Как вещь, которую забыли, а потом списали.

Она достаёт из кармана измятый листок бумаги.

На нём — что-то распечатанное, но чернила расплылись.

— Это их бумажка, — говорит. — Там написано, что я якобы отменила своё пребывание в день заезда. Что я не ночевала тут. А то, что я тут с самого начала, — мне, значит, приснилось.

Андрей смотрит на листок. Буквы расплывчаты, подпись неразборчива. Внизу — логотип Pgraiop. Всё выглядит официально и... пусто.

— А Диана? — тихо спрашивает он. — Ты говорила, что она... как будто не удивлена.

Людмила смотрит куда-то в угол комнаты, словно там, в самом чистом месте, ей мерещится что-то.

— Она пришла утром, — говорит. — Уже после того, как дети... пропали. Я думала, что сойду с ума от облегчения. Бросилась к ней. А она... — голос ломается, — а она смотрела на меня как на... клиента. Как эти. — она кивком указывает на воображаемых сотрудников. — Сказала: «Мама, ты

переутомилась. Дети в безопасности. Здесь всё под контролем. Доверься системе». Слышишь? Теми же словами. *Доверься системе.*

Андрей чувствует, как у него в животе стынет что-то тяжёлое.

— Я кричала, — продолжает Людмила. — Хватала её за руки. Пыталась... — она делает жест, будто встряхивает невидимого человека, — вернуть. А она... она... — женщина судорожно вдыхает, — она сказала: «Мама, ты всегда мешала мне быть чистой». Чистой, понимаешь? Как они любят.

Слово «чистой» в этом отеле звучит особенно грязно.

— Потом её увели, — заканчивает Людмила. — Как дорогого гостя, которого надо защитить от истеричной родственницы. А меня заперли. Уговаривали подписать бумагу, что я не имею претензий и что дети уехали с отцом. С тобой, Андрей. — она смотрит на него остро. — И если бы ты не ответил мне сегодня, я бы уже, наверное, сомневалась в собственном имени.

Он ощущает, как эта фраза бьёт током.

Система не просто стирает людей. Она переписывает сценарий: «дети уехали с отцом». Если бы он не прилетел, через пару недель, месяцев даже он мог бы начать сомневаться: а были ли они здесь? Не приснилось ли всё?

— Они... — он подбирает слова, — делают из тебя ненадёжного свидетеля.

— Они делают из меня пыль, — холодно отвечает она. — То, что можно смахнуть с отчёта.

Она замолкает, тяжело дыша.

Андрей смотрит на неё, и в нём одновременно живут две реакции.

Одна — старая, привычная: списать её слова на панику, на возраст, на склонность к драме. Другая — новая, жёсткая: слушать буквально.

Он выбирает вторую. И это его первый маленький бунт против самого себя.

После разговора с Людмилой Андрей долго не может встать.

Она сидит напротив, сжав пальцы в замок так сильно, что костяшки побелели. В её глазах — усталость человека, который уже потратил весь запас крика и теперь может только повторять одно и то же тише, тише, пока слова не сотрутся окончательно.

— Они думают, что я сломаюсь, — говорит она уже спокойнее. — Что подпишу, что всё выдумала. Потому что легче жить, когда считаешь себя сумасшедшей, чем когда понимаешь, что мир... сломан.

Андрей кивает.

— Вы ничего не подписывали? — уточняет он.

— Пока нет, — она усмехается. — Я ж злая. Старых злых бабок тяжело перепрограммировать.

Он впервые за всё время позволяет себе короткую улыбку. Дверь приоткрывается — тактично, на пару сантиметров.

Появляется голова Тана.

— Миссис..., — он делает паузу, — Людмила, у вас есть возможность отдохнуть. Мы подготовили для вас спокойную комнату.

«Спокойную» — значит, без окон. Андрей видел по дороге несколько таких «лаунджей для отдыха» — мягкие кресла, приглушённый свет, фоновая музыка. Идеальные комнаты, чтобы человек перестал верить в собственную тревогу.

— Я останусь с ней, — говорит Андрей.

Тан слегка склоняет голову.

— К сожалению, по внутреннему регламенту гости должны размещаться в своих номерах, — мягко отвечает он. — Мы не можем...

— У вас исчезли трое членов моей семьи, — перебивает его Андрей. — Ваш внутренний регламент уже не выглядит для меня чем-то... значимым.

Тан на секунду теряет улыбку. Совсем чуть-чуть. Потом возвращает.

— Мы понимаем ваши чувства, — говорит он. — Но мы должны думать и о состоянии миссис... Людмилы. Если вы останетесь, вы будете только усиливать её тревогу. Профессиональные психологи рекомендуют...

— Профессиональные психологи рекомендовали когда-то моей жене «просто отдыхать и радоваться жизни», — сухо

обрывает Андрей. — Мы видим, к чему это привело.

Он сам поражается, как легко у него получилось произнести это «мы». Как будто он уже не отделяет свою ответственность от чужой.

Тан делает ещё один крошечный поклон.

— Мы обсудим возможность вашей встречи утром, — говорит он. — Сейчас для вас обоих действительно лучше немного поспать. Завтра всё будет яснее.

«Завтра всё будет яснее» — фраза, которую он десятки раз говорил клиентам, когда сам не понимал, как закрыть дыры в бюджете.

Андрей смотрит на Людмилу.

— Я буду в номере, — говорит он. — Если что-то... если они будут на вас давить — звоните. Кричите. Бейте посуду. Делайте что угодно, лишь бы вас было трудно игнорировать.

Уголок её рта дёргается.

— Это как раз то, что я умею, — сухо отвечает она.

Их разводят аккуратно, как разъярённых собак, которые могли бы перегрызть поводки. Людмилу уводят в одну сторону, Андрея — в другую. Коридоры снова поглощают их, глуша звуки ковром и кондиционерами.

Номер, который выделяют Андрею, похож на тот, где жила Диана.

Он узнаёт планировку по её сторис: та же терраса, та же стеклянная стена, тот же белый ковёр, тот же вид на бассейн. Только здесь нет ни разбросанных детских вещей, ни следов чьего-то присутствия. Всё — как в шоуруме.

Сотрудник показывает, где сейф, как регулируется свет, как управлять шторами с планшета. Андрей почти не слушает. В голове — обрывки фраз: «меня сделали лишней», «они убрали слой», «дети уехали с отцом».

— Если вам что-то понадобится, — говорит сотрудник, — просто скажите «Хранитель» в голосовой ассистент. Он всегда рядом.

Андрей поднимает бровь.

— Хранитель? — повторяет.

— Это наша система персонального сервиса, — улыбается тот. — Она знает ваши привычки и поможет вам чувствовать себя... как дома.

Слово «система» в этом отеле уже звучит почти как имя Бога.

Когда дверь за сотрудником закрывается, в номере становится по-настоящему тихо. Только слабый шум кондиционера.

Андрей проходит по комнате, почти касаясь предметов пальцами.

Стол. Стул. Кровать с безупречно натянутым бельём. Ванная с блистающей плиткой. Всё — слишком гладкое. Нигде

ни царапины, ни пятна, ни случайного волоска.

Он открывает шкаф — там уже висит его одежда, аккуратно развешанная. Чемодан исчез. Система «позаботилась».

Он садится на край кровати. Телефон в руке вибрирует — уведомления. Сообщения от коллег, одно от банка, несколько от незнакомых номеров. Ни одного от Дианы.

Он набирает её снова.

«Абонент недоступен».

Пальцы автоматически прокручивают её страницу. Те же фото, тот же бокал, та же «семья мечты». Инстаграм не знает, что она исчезла. Для него она всё ещё существует — как набор образов и взаимосвязей. Социальные сети хуже любого призрака: они позволяют жить человеку дольше, чем его телу.

Он выключает экран и ложится, даже не раздевшись.

Потолок над ним — идеально белый, без трещин, без потёков. В детстве он мог часами рассматривать трещины на потолке бабушкиной квартиры, придумывая из них карты, лица, зверей. Здесь фантазии не за что зацепиться.

Он закрывает глаза, но сон не идёт.

Вместо этого приходит ощущение, сначала слабое: как будто с потолка, из кондиционера, из щелей между стенами и полом на него кто-то смотрит. Не глазами — вниманием.

Он открывает глаза.

Ничего. Только мягкий свет ночника и чёткие линии мебели.

Он садится.

И в этот момент чихает.

Резко, неожиданно, как тогда, когда в старом офисе кто-то забыл закрыть окно в сезон пыльцы.

Потом — второй, третий. Нос моментально закладывает. В груди появляется знакомое жжение.

«Так, спокойно», — говорит он себе.

Он давно не пользовался ингалятором, но всё ещё возит его с собой — на случай форс-мажора. Открывает сумку, вытаскивает, делает вдох. Лекарство разливается по бронхам холодком, чуть облегчая.

Он поднимается, идёт к кондиционеру.

Открывает жалюзи. Внутри — фильтр, чистый, как будто его только что установили.

И всё равно воздух ощущается... неправильным.

Слишком сухим для тропиков. Слишком стерильным. Как воздух в помещении, где убрали всё живое.

Он выключает кондиционер. Открывает дверь на террасу.

Снаружи тепло, влажно. Слышен звук ночных насекомых, далёкая музыка из бара, чей-то смех. Море в темноте — чёрная масса, чуть шуршащая у берега. Этот мир кажется ему более настоящим, чем вылизанный интерьер.

Он стоит на пороге, между двумя температурами.

И вдруг замечает это.

В световом конусе от настенного бра на ковре, прямо у его ног, в воздухе, едва заметно кружатся крошечные частицы. На секунду он думает, что это обычная пыль, освещённая лампой. Но потом видит: движение у них не хаотичное. Оно... согласованное.

Частицы собираются в слабые завихрения.

Отступают. Снова собираются. Как стайка микроорганизмов в капле воды под микроскопом.

Он делает шаг назад.

Завихрение следит за ним. Не буквально, но траектория слегка смещается в его сторону.

Кожу покрывает холодный пот.

— Это конденсат, — шепчет он сам себе. — Разница температур. Влажность. Свет. Оптический эффект.

Пыль в воздухе слегка дрожит, как будто от смеха.

Он моргает.

Сдвигается в сторону. Завихрение тянется следом, ед-ва-едва. Не как объект, а как внимание.

Горло снова сжимает. Воздух становится тяжёлым, вязким, как в детских кошмарах, где он тонул не в воде, а в пыли — в той старой, домашней, пахнувшей коврами и книгами.

Он резко закрывает дверь на террасу. Поворачивает ручку кондиционера, включив вентиляцию на минимуме. Возвращается к кровати.

Частицы в воздухе... размываются. Становятся обычным световым шумом.

И всё равно он чувствует: что-то здесь было. Что-то его «проверило».

Он ложится, плотно укрывается одеялом. Это детский жест, бессмысленный: одеяло не защищает от исчезающих на камерах детей и от отелей, переписывающих реальность. Но телу нужно хоть что-то, кроме воздуха.

— Я не твой пациент, — шепчет он в темноту.

Слово «твой» неожиданно звучит так, словно он обращается не к отелю, не к персоналу, а к чему-то, что скрыто за их вежливостью.

В ответ — только ровный шум вентиляции.

Где-то внутри стен, в тонких металлических кишках воздухопроводов, очень медленно и очень осознанно шевелится Пыль, втягивая в себя его дыхание, его страх, его упорное

желание всё объяснить логикой.

Ночь в «Прапайоне» только начинается.

Глава 7. Егор смотрит

Егор всегда считал, что если очень долго смотреть на человека через экран, начинаешь знать его лучше, чем он сам себя.

Это, конечно, глупость. Но приятная.

Он узнал о Диане три года назад, в какой-то унылый ноябрьский вечер, когда алгоритм подкинул ему её сторис: она пекла что-то безглютеновое на каменной кухне, смеялась, уронив муку на нос. Внизу бегущей строкой — «идеальный субботний хаос». Тогда у него был желудок, который не переваривал ничего, кроме лапши из пачки, и квартира, где хаос был не субботним, а постоянным.

Он пролистал, потом вернулся. Открыл профиль.

Там были не просто картинки. Там была жизнь, собранная как витрина: дети, путешествия, «проекты», муж, который иногда мелькал в кадре. Всё это выглядело так, будто существует отдельный мир, куда нормальных людей не пускают, а им показывают только витражи.

Егор сначала раздражался. Потом начал смотреть каждый день.

Он не ставил лайки. Не писал комментарии. Сидел в тени списка просмотров, как ещё одна цифра. В этом было что-то... честное. Она ничего о нём не знала. Она не могла подстраивать под него контент. Он смотрел чистую проек-

цию.

За три года он успел узнать:

в какие часы Диана чаще всего выкладывает сторис (утро до школы, вечер на кухне, «золотой час» на закате);

как зовут детей, с какой стороны у неё «рабочий профиль», какие бренды у неё постоянно в кадре;

как часто в её речи звучит слово «чисто».

«Чисто по кайфу», «чисто для себя», «чисто любовалась видом».

Его это слово почему-то зацепило. Как будто она постоянно пыталась убедить кого-то (себя?), что всё, что она делает, не имеет тёмной стороны.

Когда она выложила сторис из Прапайона, он не поверил сначала.

Видео было как реклама: перелив бассейна, мрамор, белые простыни. Геотег: **Prapaion Exclusive Resort**. Внизу — сердечки, комментарии, «ты достойна».

Егор увеличивал каждую деталь в её сторис, как криминалист на месте преступления.

Он видел:

отражение в стекле: двое детей пробегают на заднем плане;

тень матери, которая избегает камеры, уходит в сторону; мужчину в форменной одежде, стоящего в конце коридора, который при каждом пролистывании казался всё ближе.

Диана делала вид, что это фон.

Егор — что это подсказка лично ему.

Он не был сумасшедшим. По крайней мере, так он себе говорил.

Он работал. Он платил налоги. Он помогал сестре с ипотекой. Вёл себя прилично в магазине. У него были даже почти-друзья — такие же айтишники, с которыми можно было обсуждать железо и сериалы.

Просто у него было хобби: смотреть на жизнь других, пока своя тихо простаивала в углу.

Да, иногда он пробивал чьи-то геолокации.

Да, иногда он проверял, какие кафе человек отмечает чаще всего, и «случайно» оказывался там же. Ему нравилось сидеть за соседними столиками и слушать голоса вживую, прежде чем снова вернуться в безопасное наблюдение изда-лека.

Но он никогда никого не трогал. Никому не писал. Он был зрителем. А зритель — не преступник.

Когда Диана улетела в Таиланд, он шутки ради пробил геотег по открытым данным. Чистое любопытство. Погуглил отель. Нашёл сайт. Цены. Фото. Увидел: «концепция тотальной чистоты». И понял, что она туда не просто так.

Она, которая всё время говорила «чисто».

Три ночи подряд он смотрел её сторис, как сериал.

В комментариях люди писали: «Я живу через тебя», «спасибо, что показываешь». Он думал: «Нет, это я живу через тебя. Они просто лайки ставят.»

На четвёртый день сторис закончились.

Сначала он подумал, что она просто устала. Потом — что не ловит сеть.

На пятый день тишины у него внутри что-то сдвинулось.

Он проверил её активность: последняя — 48 часов назад.

Ни новых лайков, ни комментариев, ни сторис, ни постов. Совсем. Пустота.

Он написал ей одно короткое сообщение в директ. Впервые за три года.

«С вами всё ок?»

Оно осталось непрочитанным.

В аэропорту он чувствовал себя как вор.

Он не говорил никому, что летит. Купил билет на деньги, отложенные «на чёрный день». Этот день был не чёрным — скорее, белым, ослепительным, как плитка в Прапайоне. Но внутри было ощущение катастрофы.

Он старался выглядеть как обычный турист: рюкзак, кроссовки, футболка с нейтральным принтом. Его внутренние голоса спорили:

«Ты что делаешь? Ты не родственник, не друг. Ты — никто. Как ты объяснишь, что приехал?»

«Если с ней реально что-то случилось, пусть лучше будет ещё один человек, который помнит, что она здесь была.»

«Ты пересекаешь границу. Огромную.»

«Эта граница была пересечена, когда ты три года подряд открывал её сторис раньше, чем сообщения от собственной сестры.»

Самому себе он объяснял это так: «Я просто проверю. Убедюсь, что она жива. И вернусь. Никто даже не узнает.»

Когда он увидел вывеску Πρααιον вживую, его сердце подпрыгнуло.

Как если бы он шагнул прямо в экран телефона. Всё было таким, как на картинках, только ещё чище. Даже воздух казался отфильтрованным от случайных запахов.

У ресепшен его встретил тот самый манекен-человек, которого он угадывал в отражениях Дианиных сторис.

— Welcome, sir, — сказал тот.

Егор почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Он увидел себя со стороны: одинокий мужчина без семьи, без ясной легенды, в отеле для богатых. Любая служба без-

опасности на его месте насторожилась бы.

— Reservation on the name of... — начал сотрудник.

— Хм, — Егор сглотнул. — Petrov. Yegor Petrov.

Он до последнего не хотел светить настоящую фамилию. Не потому, что собирался сделать что-то плохое, а потому, что не доверял отелю. Уже по картинкам. Слишком идеальные места вызывают у него аллергию. Психологическую.

— Of course, Mr. Petrov, — сотрудник посмотрел в планшет. — You're here for... — краткая пауза, — digital detox package?

Пакет назывался именно так. «Цифровой детокс»: семь дней без соцсетей, с вниманием к себе, с «очищением информационного поля». Егор купил его именно потому, что он казался идеальным прикрытием. Никто не удивится, если человек, который проводит жизнь в онлайн, решит «отдохнуть от экрана».

— Yes, — сказал он. — Digital detox.

Сотрудник улыбнулся чуть шире.

— Then we will kindly ask you to leave your phone in the safety of our system, — произнёс он, как будто читал из сценария. — For the purity of your experience.

Егор почувствовал, как у него внутри что-то сжалось.

— I prefer to keep it, — выдавил он. — For... emergency.

— There are no emergencies in Prapaion, — мягко ответил тот. — Only processes.

Фраза звучала так, будто её придумал копирайтер, а не

живой человек.

В итоге они договорились, что телефон он оставит в номере в «режиме хранения» — специальный ящик, который, по словам сотрудника, «экранирует сигнал, но не мешает безопасности устройства».

Егор кивнул, зная, что первым делом проверит, насколько «экранирует».

Номер оказался не таким большим, как у Дианы, но выполненным в том же стиле.

Егор бегло осмотрелся и сразу понял: это место ненавидит мелочь. Ненавидит личные вещи. Всё здесь кричало: «Ты здесь не жить. Ты здесь быть отфотографированным».

Он поставил рюкзак у стены, сел на кровать и замер. Может быть, он действительно сошёл с ума.

Может, исчезновение сторис — просто отпуск от соцсетей. Может, Диана сидит сейчас где-то в другом отеле, пьёт кокос и смеётся над тем, как сильно люди привязаны к её контенту.

Он открыл телефон.

Сеть в номере была.

Инстаграм открывался. Профиль Дианы всё так же све-

тился количеством подписчиков. Последняя активность — четыре дня назад.

Никаких сторис. Никаких лайков под чужими постами. Ничего.

Он написал ей ещё одно сообщение.

«Я здесь. Внизу. Если с тобой всё нормально — пришли хоть точку.»

На этот раз он нажал «отправить», не давая себе времени подумать.

Ответа не было.

Егор пролежал на кровати, уставившись в потолок, ещё минут двадцать. Потом поднялся, надел кроссовки и вышел в коридор.

Он не знал, что именно собирается делать.

Но знал: сидеть в номере и «чистить своё информационное поле» он не сможет.

Коридор был таким же, как на всех фотографиях: длинный, с мягким ковром, белыми стенами и редкими дверями. Свет — ровный, без тени. Звук шагов — почти отсутствует.

Егор шёл медленно, считывая всё вокруг.

Каждая дверь — с номером в минималистичном стиле.

Каждая ниша — идеально чистая. Ни потерянных полотенец, ни забытых игрушек, ни случайно оставленных под-

носов из рум-сервиса.

Так не бывает. В любом отеле всегда есть следы жизни. Здесь — ничего.

Он поймал себя на том, что считает камеры.

Одна в начале коридора, вторая в середине, третья у лифта. Угол обзора каждой он прикидывал автоматически, как человек, который слишком много времени провёл в компьютерных играх про побеги из тюрем.

В лифте была мягкая музыка.

На зеркальной стене — его отражение: худой, бледный, с мешками под глазами. Не турист. Не бизнесмен. Не семейный человек. На фоне остальных гостей он выглядел... лишним.

Внизу, в лобби, жизнь кипела — отфильтрованная и управляемая.

Пары в льняных костюмах и платьях, дети в идеально чистой пляжной одежде, сотрудники, скользящие между ними так, как будто репетировали этот маршрут. Никто не повышал голос, никто не смеялся слишком громко. Даже смех здесь носил дресс-код.

Егор стоял в тени одной из колонн и смотрел.

Он искал Диану взглядом.

Представлял, как она появится с лестницы, с телефона в

руке, с привычной улыбкой: «Да ладно, ты реально прилетел? Тебе делать нечего?» — и ему придётся выдать заранее заготовленную легенду про случайный отпуск и совпадение.

Она не появлялась.

Вместо неё он заметил другое.

За стойкой ресепшен стоял мужчина, которого он уже видел через её сторис. Невыразительное, но приятное лицо, идеально зачесанные волосы, бейджик — *Niran*. Рядом — девушка с таким же набором характеристик, но женским.

Егор подошёл ближе, оставаясь вне поля прямого зрения.

— ...мы делаем всё возможное, чтобы наш гость чувствовал себя спокойно, — говорил Ниран кому-то на английском. — Пожалуйста, будьте уверены, что безопасность — наш главный приоритет.

Напротив стояла женщина лет пятидесяти, с русскими чертами лица. Она выглядела как человек, которого только что избили невидимыми руками: помятый вид, покрасневшие глаза, дрожащие губы.

Егор напрягся.

Он не сразу понял, кто это. Лишь когда она повернулась чуть боком, он узнал её. По диагонали, по обрывку волос, по паре семейных фото, которые мелькали у Дианы в сторис: «Моя мама, моя опора, самый честный человек».

Это была Людмила. Мать.

Она говорила громко, на русском:

— Никакая я вам не мэм! Я бабушка, у которой вы украли внуков! Верните их!

Ниран продолжал улыбаться, как будто ничего не понимает.

— Я приглашу нашего менеджера по безопасности, — говорил он всё тем же ровным тоном. — Пожалуйста, присядьте пока в лаунже. Там более комфортно.

Егор смотрел, как двое сотрудников подходят к ней сзади — мягко, ненавязчиво, но создавая коридор, по которому её можно будет аккуратно увести.

Она вцепилась руками в стойку.

— Я никуда не пойду, — сказала она. — Пока вы не дадите мне поговорить с дочерью. Я знаю, что она здесь. Я знаю...

Голос сорвался.

Её действительно было страшно слушать. Не потому, что она кричала, а потому, что её отчаяние звучало слишком... реальным. Невероятное всегда пугает меньше, чем настоящее.

Егор почувствовал, как у него внутри что-то шевельнулось.

Это был не привычный холод от встречи с объектом наблюдения, а что-то вроде ответственности.

Он мог бы отвернуться. Вернуться к своей безопасной ро-

ли зрителя. Сказать себе: «Это семейное. Тебя тут быть не должно».

Но он уже купил билет. Уже выбрал сторону.

И теперь оказался в центре кадра, который раньше смотрел через чужой телефон.

Он сделал шаг вперёд.

— Excuse me, — сказал, обращаясь к Нирана по-английски. — I'm Russian too. Maybe I can help to translate?

Ниран повернулся к нему. Улыбка — такая же. Но в глазах промелькнула оценка.

— Thank you, sir, — сказал он. — But our staff is fully prepared to handle any miscommunications.

— It's not miscommunication, — сказал Егор, уже по-русски, глядя на Людмилу. — Это они вас газлайтят.

Она перевела на него взгляд.

— Ты кто? — спросила.

Вопрос был сложным.

Он мог бы сказать: «Я — подписчик вашей дочери», но это звучало бы как приговор. Он выбрал более нейтральное:

— Я... знаю Диану по работе, — сказал он. — Прилетел по своим делам. Увидел вас.

Полуправда — лучшая ложь.

— Она здесь? — спросила Людмила. В глазах — такая надежда, что ему стало стыдно за то, как он жил её жизнью

издалека.

— Я пока не видел, — честно сказал он. — Но... если они говорят, что вас не было, это... — он снова повернулся к ресепшену, — это очень странно.

Ниран слегка наклонил голову.

— Sir, — сказал он, — мы очень благодарны за участие, но просим вас не вмешиваться в ситуацию, где может быть много тонких деталей. Всё под контролем.

«Всё под контролем» — слова, которые Егор слышал у Дианы десятки раз.

И каждый раз они скрывали под собой что-то, чего она не могла или не хотела показать в сторис.

— Ваш «контроль» уже куда-то дел детей, — ответил он. — Может, время немного... сбросить настройки?
Он сам удивился своей смелости.

В обычной жизни он так не говорил. В обычной жизни он проскакивал мимо конфликтов, как мимо чужих ссор в метро.

Здесь было иначе.

Он почувствовал, что мир, который он три года потреблял как контент, начал требовать от него участия.

Несколько секунд тишины.

Потом рядом с ним появился ещё один человек — повы-

ше, постарше.

Тот самый, кого Людмила называла «системой в костюме». Сатир.

— Добрый день, — сказал он по-русски. С акцентом, но отменно. — Я — руководитель службы безопасности. Думаю, мы разберёмся без... дополнительных свидетелей.

Егор почувствовал, как его взгляд фиксируют, как вспышкой.

Этот мужчина был из тех, кто привык управлять странством не хуже, чем камерами.

Егор инстинктивно опустил глаза. Старый рефлекс: не высовываться.

Но Людмила уже увидела в нём союзника. Хоть какого-то.
— Не уходи, — сказала она ему неожиданно тихо. — Пожалуйста. Если все свихнулись, пусть хотя бы один человек помнит, что я говорила правду.

Слова прижались к нему, как груз. Не очень большой, но ощутимый.

Сатир подошёл ближе, посмотрел Егору в глаза.

— Вы у нас по какому пакету? — спросил он вдруг, всё так же доброжелательно.

— Digital detox, — ответил Егор.

— Прекрасный выбор, — кивнул Сатир. — Это программа, которая предполагает временный отказ от участия в чу-

жих историях. Позволяет сосредоточиться на своей.

Фраза звучала слишком точно, чтобы быть случайной.

— А если моя «своя история» связана с чужой? — спросил Егор. — Если я приехал сюда, потому что... потому что не могу просто нажать «отписаться»?

Вопрос прозвучал нелепо, почти подростково. Но в нём было больше честности, чем он обычно позволял себе.

Сатир немного сузил глаза.

— Тогда «Прапайон» поможет вам расставить приоритеты, — сказал он. — Но сначала — отдых. Прошу, мистер Петров.

В его голосе не было прямой угрозы.

Но Егор услышал в нём то, что никогда не услышал бы через экран: **«мы видим тебя»**.

Он отступил на шаг, чувствуя, как сердце колотится чаще обычного.

Людмилу мягко, но твёрдо повели в сторону «спокойной комнаты».

Она всё ещё смотрела на него через плечо, как человек, который вручает кому-то последнюю версию своей истории, боясь, что её перепишут.

Егор остался стоять посреди лобби.

В кармане вибрировал телефон.

Он достал его, посмотрел: ни одного нового сообщения от Дианы.

Зато наверху экрана, в панели уведомлений, появилась странная строка:

«Prapaion: мы заметили, что вы активно взаимодействуете с другими гостями. Хотите, мы подберём для вас более закрытый опыт?»

Он уставился на неё.

Значит, отель не только знает его имя и пакет. Отель отслеживает, как он «взаимодействует».

Он нажал «отклонить».

В голове прозвучал тихий, чужой голос, очень похожий на тот, что говорил через сторис:

«Ты же сам сюда пришёл смотреть. Добро пожаловать в зал с зеркалами.»

Егор поднял голову и впервые за всё время почувствовал: может быть, пора перестать быть просто глазом в экране.

Пора стать тем, кто тоже оставляет следы. Даже если их потом попробуют стереть.

Глава 8. Непрошенный свидетель

Андрей не спал полноценно.

Он провалился в какой-то рваный, тревожный полудрёму и проснулся не от будильника, а от собственного кашля. Горло саднило, в груди было тяжело, будто он всю ночь дышал пылью из старого офиса, а не дорогим кондиционированным воздухом.

За стеклом террасы уже было светло.

Море выглядело картинкой из буклета. Никаких следов ночи, никаких следов того странного завихрения в воздухе.

Он умылся, выпил воду, сделал ещё одну затяжку из ингалятора и спустился в лобби.

Сатир назначил встречу на десять. Ему хотелось прийти раньше, чтобы «проверить обстановку». Старый привычный рефлекс: появляется раньше всех на совещаниях, чтобы освоиться в комнате.

В лобби былолюдно, но спокойно.

Кто-то пил кофе, кто-то листал ленту, кто-то спорил тихими голосами о том, куда поехать на экскурсию. Всё это накладывалось поверх его внутреннего шума, как спокойная музыка в магазине — не отменяя, а маскируя.

Он подошёл к стойке.

— Where is Ms. Lyudmila... — начал он по-английски и сам осёкся. — Where is my mother-in-law?

Девушка с планшетом подняла глаза.

— She is resting, — сказала она. — Under the supervision of our medical staff. You can see her after the meeting with Mr. Satir.

«Под наблюдением медицинского персонала» — ещё один мягкий способ сказать: «мы контролируем её доступ к вам».

Андрей почувствовал, как в нём поднимается волна раздражения. Но в этот момент он уловил боковым зрением чьё-то пристальное внимание.

Он повернул голову.

У колонны, чуть в стороне, стоял молодой мужчина в серой футболке и рюкзаке. Невзрачный, бледный, на фоне лакированной публики — как пиксель, забытый на идеально выровненной картинке. И он смотрел. Не просто оглядывался по сторонам, а в буквальном смысле **смотрел** на Андрея, не отводя взгляд.

Андрею сразу это не понравилось.

— Вам помочь? — отрывисто спросил он по-русски, чуть резче, чем хотел.

Парень словно вздрогнул — не от страха, а от того, что его поймали.

— Вы Андрей? — спросил он.

Вопрос прозвучал так, будто он проверяет алгоритм: «это

тот, кого я искал»?

— Зависит от того, кто спрашивает, — ответил Андрей.
— И почему.

Он приготовился услышать что угодно: от «я из администрации отеля» до «я журналист». Вариант, который прозвучал, всё равно оказался хуже.

— Я... знаком с Дианой, — сказал парень. — По работе. Его голос дрогнул на секунду. Андрей заметил это.

— По какой такой работе? — спросил он.

— Мы... — парень замялся на долю секунды, — взаимодействовали по рекламным интеграциям. Я помогаю некоторым блогерам с аналитикой, таргетом...

Он говорил слишком быстро, как человек, который заранее проговаривал легенду в голове.

Андрей на рефлексх чувствовал фальшь в интонациях — столько раз он слышал подобное на встречах, когда кто-то пытался продать ему «идеальное решение».

— Вы рекламщик? — уточнил он холодно.

— Скорее... консультант, — ответил тот. — Меня зовут Егор.

На секунду они просто смотрели друг на друга.

Андрей видел перед собой: худой, нервный, глаза чуть воспалённые от недосыпа или от слишком долгого сидения перед монитором. Одежда — нейтральная, но выношенная. Образ — «простой парень», который мог быть кем угодно:

от фрилансера до тихого психа.

Егор видел: крупного, собранного мужчину в простой, но дорогой рубашке. Лицо, которое он несколько раз видел мельком в сторис — под подписью «мой», «наш», иногда просто закадровым голосом. Вживую этот человек казался больше, чем в экране. И холоднее.

— Я видел вашу тёщу, — сказал Егор. — Вчера. У ресепшен. Она... — слово «сошла с ума» вертелось на языке, но он проглотил его, — она очень переживает.

— Вы вмешивались в разговор? — спросил Андрей.

— Немного, — честно ответил Егор. — Я предложил помочь перевести. Им это не понравилось.

«Им» — прозвучало как «системе». Андрей отметил.

— И что вы здесь делаете? — продолжил он. — Просто... отдыхаете?

— Я... приехал проверить, всё ли с Дианой в порядке, — ответил Егор. На этот раз без легенды. — Она давно не выходила на связь. Это... не похоже на неё.

Фраза была предельно честной.

И именно поэтому от неё стало только хуже.

— Вы часто проверяете, как там... блогеры? — спросил Андрей. — Летайте по миру за каждым, кто перестал выкладывать сторис?

Егор поморщился.

— Только за теми, кто... важен, — сказал он. — Я пони-

маю, как это звучит. Но если человек три года каждый день выкладывает свою жизнь, а потом внезапно исчезает в дорогом отеле, это... не просто «устала от соцсетей».

Он говорил то, что Андрей уже сам начал подозревать, но не хотел формулировать вслух.

Это раздражало. Когда свои страхи озвучивает чужой, они становятся реальнее.

— Вы ей кто? — спросил Андрей. — Друг? Коллега? Поклонник?

Последнее слово прозвучало с лёгкой насмешкой.

Егор сжал губы.

— Я... зритель, — сказал он. — Тот, кто смотрит внимательно. Иногда внимательнее, чем её близкие.

Слова повисли в воздухе, как что-то липкое.

Андрей ощутил, как в нём поднимается злость.

— Вы хотите сказать, что знаете мою жену лучше меня? — тихо произнёс он.

— Я не это сказал, — ответил Егор. — Я сказал, что видел кое-что, что... возможно, вы не замечали. Потому что были... внутри кадра.

Он сам удивился собственной смелости. Но момент уже вышел из-под контроля.

В глазах Андрея мелькнул холодный огонь.

Егор понял, что перешёл черту. Но отступить было поздно.

— Например? — спросил Андрей. — Что вы там такого «видели»?

Егор сглотнул.

— Её усталость, — сказал он. — Которую она прятала между шутками. Её страх потерять аудиторию. То, как она не снимала вас месяцами, а потом выкладывала один кадр с подписью «мы» — и будто... отрабатывала норму.

Фразы звучали как обвинения, хотя он не хотел обвинять.

Он говорил то, что замечал как аналитик, как человек, привыкший видеть паттерны.

— И вы решили, что имеете право явиться сюда и... — Андрей с трудом подбирал слово, — и участвовать в поисках моей семьи?

— Я решил, что если что-то случилось, хуже всего будет, если об этом будут знать только те, кто заинтересован в том, чтобы всё выглядело красиво, — сказал Егор. — Вы... родственник. У вас своя позиция. У отеля — своя. У меня... — он пожал плечами, — у меня только глаза.

Некоторое время они молчали.

Вокруг по-прежнему негромко шумело лобби.

Сотрудники скользили между гостями. Пальмы шуршали кондиционированным ветром. Никто, кроме них двоих, не

замечал, что сейчас в этой точке пространства столкнулись две разные реальности: жизнь «в кадре» и жизнь, которая обычно остаётся за сторис.

Андрей дышал тяжело.

Нос снова зудел. В горле было чувство, как будто он вдохнул слишком много пыли. Возможно, это была реакция на влажность. Возможно, на правду.

— Что конкретно вы хотите? — наконец спросил он. — От меня. От этой ситуации.

— Я хочу узнать, что с ней, — ответил Егор. — И с детьми. И... — он чуть запнулся, — если вы думаете, что я здесь, чтобы... занять ваше место, вы сильно переоцениваете меня. Я не её любовник, не тайный друг. Я... — он усмехнулся, — я просто тот, кто слишком многое про неё знает из открытых источников.

— Сталкер, — сухо резюмировал Андрей.

Егор дёрнул уголком губ.

— В наше время «сталкер» — это любой, кто читает чужой публичный блог больше десяти минут, — сказал он. — Если вам так проще, пусть будет сталкер. Но сталкеры иногда замечают входы и выходы, которые другие игнорируют.

Он понимал, что эта фраза звучит как попытка продать себя. Но другого инструмента у него не было.

Андрей смотрел на него долго.

В этом взгляде было много: презрение, раздражение, уста-

лость. Но ещё там было кое-что новое — признание факта: этот странный парень действительно может знать те детали, которые он, Андрей, пропускал.

— Хорошо, — медленно сказал он. — Допустим, вы правы. Допустим, она была... не такой счастливой, как казалось. И что теперь? Как вы думаете нам... — он впервые использовал множественное число, — это поможет?

Егор вздохнул с облегчением, которого не позволил себе показать.

— Начать хотя бы с того, чтобы посмотреть на её следы здесь так же внимательно, как я смотрел на её сторис, — сказал он. — Не только через официоз отеля. А через то, что осталось: черновики, переписки, неотправленные посты. У неё точно есть. У всех есть.

Андрей вспомнил ноутбук Дианы, который ещё не нашёл.

Вспомнил её телефон, которых пока никто не показал. Вспомнил «цифровые воспоминания», о которых говорил Сатир.

Он скрипнул зубами.

— У меня встреча с главой безопасности, — сказал он. — Через пять минут. Вы туда не приглашены.

Егор кивнул.

— Я не прошу, — ответил он. — Я просто... буду рядом. Если вы решите, что вам нужен человек, который три года смотрел на неё под микроскопом, — вы знаете, где меня най-

ти.

Андрей хотел сказать что-то вроде «на помойке», но не сказал. Внутри ныло странное чувство: несмотря на всю абсурдность ситуации, этот чужой знает о его жене слишком много, чтобы полностью игнорировать его.

— Где вы живёте? — спросил он вместо этого. — В каком номере?

— 512, — ответил Егор.

Цифра ударила, как током.

— 512? — переспросил Андрей. — Они самой моей тёще пытались вписать этот номер.

Егор удивился.

— Мне сказали, что я «гость 512, который недавно прибыл», — сказал он. — А до этого... — он пожал плечами, — до этого, видимо, кто-то другой.

Они обменялись взглядом.

В этот момент впервые между ними проскочило что-то, похожее на общую цель.

Не доверие — до него было далеко. Но понимание, что оба они — «шумы» в системе, которую отель пытается выровнять.

Сатир появился, как будто ждал именно этой паузы.

— Господин Лецкий, — сказал он мягко. — Мы готовы продолжить наш разговор. И... — он бросил короткий взгляд на Егора, — мистер Петров, мы надеемся, вы быстро

адаптируетесь к нашему режиму цифрового детокса.

Егор почувствовал, как у него по спине пробежали мурашки.

Андрей на секунду посмотрел на него.

Потом развернулся к Сатиру.

— После встречи, — сказал он, — нам с мистером Петровым нужно будет задать вам пару дополнительных вопросов. Вместе.

Сатир улыбнулся шире.

— Конечно, — произнёс он. — В «Прапайоне» мы всегда приветствуем... сотрудничество.

Они договорились встретиться через час.

Не как союзники. Скорее как люди, которым временно по пути.

Андрей провёл свою часть часа в «комнате переговоров» с Сатиром, выслушивая очередной блок аккуратных формулировок: «мы тщательно анализируем», «мы уже связались с местной полицией», «мы просим вас не предпринимать самостоятельных шагов».

На каждое «просим» он отвечал внутренним «поздно».

Когда Сатир в очередной раз произнёс «цифровые воспоминания», Андрей перебил:

— Я хочу видеть её ноутбук. И телефон. Если они у вас.

Сатир не отреагировал мгновенно — и это молчание го-

ворило больше, чем любые слова.

— У нас есть некоторые личные вещи вашей жены, — наконец сказал он. — Но мы должны учитывать её право на приватность.

— Она пропала, — напомнил Андрей. — Сейчас приоритет — безопасность, а не приватность.

Сатир задумчиво посмотрел на него.

— Я уточню у руководства, — ответил он. — Возможно, мы сможем предоставить вам доступ... под наблюдением.

Эта формулировка — «под наблюдением» — окончательно убедила Андрея: пока он будет играть по их правилам, он не увидит ничего, кроме тщательно отредактированной версии событий.

Поэтому, выйдя из переговорки, он первым делом пошёл... не в номер, а к лифту в служебную часть.

Егор уже ждал у колонны, нервно теребя лямку рюкзака.

— Ну как? — спросил он.

— Они «уточнят у руководства», — ответил Андрей. — То есть потянут время. Нам нужно посмотреть то, что они не успели отредактировать.

— Ты знаешь, где это? — Егор чуть вскинул брови. — Это их территория.

— Я знаю, где они пересекаются с нашей, — сказал Андрей. — В этом отеле есть минимум две точки, где цифровое и реальное сталкиваются. Ресепшен и... — он кивнул вверх, — housekeeping.

Егор моргнул.

— Ты хочешь... пойти к уборщицам? — переспросил он.

— Я хочу пойти туда, где хранятся вещи гостей, когда их номера приводят в порядок, — уточнил Андрей. — И посмотреть, не осталось ли там лишнего ноутбука, телефона или хотя бы мешка с бельём, на котором стоит её фамилия.

Егор задумался.

— Это звучит, как худший возможный план для человека с аллергией, — сказал он, но в голосе была готовность идти.

Служебные лифты располагались в другом крыле, за неприметной дверью с надписью «Staff only».

У двери — никого. Отель доверял табличкам больше, чем людям.

Андрей открыл дверь, как будто имел на это полное право. Егор шёл за ним, чувствуя, как участился пульс. Он никогда не нарушал правила в настоящей жизни — только в интернете.

Внутри был другой мир.

Узкий коридор, чуть более дешёвый свет, бетонный пол. Тележки с бельём, пластиковые контейнеры, химия. Здесь пахло уже не «чистотой», а её ингредиентами: порошками, дезинфекторами, потом.

— Отлично, — прошептал Егор. — Если нас поймают, скажем, что заблудились в поисках спа.

— Меньше говори, больше смотри, — отрезал Андрей.
Они двинулись по коридору.

Слева — дверь с пиктограммой стиральной машины, справа — «Storage». Чуть дальше — «Laundry & Housekeeping».

Оттуда слышались звуки: гул машин, голоса. Женские, мужские, чужие. Рабочий шум. Здесь, в утробе отеля, жизнь была громче и менее контролируемой.

Андрей остановился у двери, обменялся взглядом с Егором.

— Готов? — спросил тихо.

— Нет, — честно ответил тот. — Но давай.

Они вошли.

Внутри — большой зал с промышленными стиральными машинами, сушками, столами для складывания белья. Несколько людей в форме отеля работали, почти не поднимая глаз: брали простыни, перекладывали, нажимали кнопки.

Белизна здесь была другой — не глянцевой, а рабочей. Горы белой ткани напоминали снег, который кто-то нарезает на куски.

Егор почувствовал себя школьником, забредшим в учительскую.

Около одной стены стояли стеллажи с пластиковыми контейнерами. На каждом — наклейки с номерами комнат и иногда — с фамилиями. «409», «512», «310». Некоторые — с табличками «Checked out».

Андрей направился к стеллажам так, как будто пришёл сюда по рабочему вопросу.

— Простите, — сказал он по-английски, обращаясь к ближайшей работнице. — Мне сказали, что личные вещи моей семьи могли по ошибке попасть сюда, когда убрали номер. Я сам проверю?

Женщина подняла глаза, растерянно моргнула. Она явно не была тем звеном, которое принимает решения.

— I need to call manager, — сказала она.

Андрей мягко, но настойчиво улыбнулся.

— Пожалуйста, — переключился он на русский, надеясь, что интонация сработает, даже если слова не будут понятны, — это занимает минуту. Только взгляну на фамилии.

Егор тем временем уже успел заметить одну наклейку.

На нижней полке — контейнер с надписью «408 — Letskaya». Его сердце подпрыгнуло.

— Вот, — сказал он по-русски, забыв, что женщина может не понять. — Здесь.

Андрей опустил взгляд.

Контейнер был не запечатан, просто аккуратно закрыт крышкой. Внутри — свернутые полотенца, постельное бельё, пара наволочек.

И ещё кое-что.

На дне, под сложенной простыней, лежало что-то тёмное.

Андрей потянулся, откинул верхний слой.

Его пальцы нащупали знакомую форму.

Телефон.

Это был не его, не материный.

Это был телефон Дианы: тонкий, в прозрачном чехле, с маленькой царапиной у порта зарядки. Андрей узнал бы его с закрытыми глазами — сколько раз он видел её с ним за столом, в постели, в ванной.

Он схватил аппарат. Экран был чёрным.

— Dead, — сказал Егор вполголоса. — Но если его не трогали, там может быть... много всего.

— Осторожно, — прошептал Андрей. — Если они увидят, что мы...

Он не успел договорить.

За спиной послышался голос.

— Gentlemen, — сказал кто-то мягко. — Это не та зона,

куда гости обычно заходят.

Они обернулись.

В дверях стояла женщина средних лет, в той же форме, что и остальные, но с бейджиком другого цвета. На её лице не было привычной пластиковой улыбки. Взгляд — внимательный, быстрый. Имя на бейджике — *Mai*.

— Мы ищем личные вещи моей семьи, — спокойно сказал Андрей, как будто всё происходящее было частью согласованной процедуры. Он поднял телефон. — Вот. Он оказался здесь по ошибке.

Май смотрела на него секунд пять. Этого было достаточно, чтобы понять: она не верит в «ошибку», но понимает, что телефон — важнее формальностей.

— Это не по протоколу, — сказала она. — Но некоторые вещи... — её взгляд на секунду скользнул по Егору, — иногда нужно убрать с глаз, пока «наверху» решают, что с ними делать.

Фраза звучала так, будто она цитирует чью-то инструкцию.

— Вы можете помочь мне зарядить его? — спросил Андрей. — В моём номере.

Май покачала головой.

— В вашем номере — нет, — сказала она. — В вашем номере слишком много глаз. Но... — она кивнула в сторону узкого коридорчика сбоку, — у меня есть пятнадцать минут перерыва.

Егор удивлённо посмотрел на неё.

— Вы... хотите нам помочь? — спросил он.

Она пожала плечами.

— Я хочу, чтобы здесь было меньше... недоразумений, — ответила. — Когда вещи лежат не там, где им положено быть, это всегда к беде. А я суеверная.

Слово «суеверная» прозвучало почти как «живая».

Они втроём прошли по боковому коридорчику.

Там была маленькая комнатка с пластиковым столом, двумя стульями и электрическим чайником. На стене — пожелтевший плакат с правилами безопасности, на полке — старый, потрескавшийся зарядник.

Май закрыла дверь изнутри.

— Пять минут, — сказала. — Потом мне надо вернуться. Тут всё слышно. Старайтесь не... повышать напряжение.

Ни Андрей, ни Егор не спросили, что она имеет в виду. Это было очевидно.

Андрей подключил телефон Дианы к зарядке.

Экран вспыхнул логотипом. Потом — запросом PIN-кода. Он замер.

— Ты знаешь? — шёпотом спросил Егор.

Андрей знал несколько комбинаций, которые они исполь-

зовали в быту: дни рождения детей, комбинации дат. Попробовал первую. Вторая. Третья.

На четвёртой попытке экран моргнул предупреждением: «Ещё одна неверная попытка — и устройство будет временно заблокировано».

Пальцы вспотели.

— Она не ставила что-то... особенное? — спросил Егор.
— Какой-то символический набор?

Андрей попытался вспомнить.

В голове всплыли десятки мелких деталей: как она одной рукой вводит код, не глядя; как дети иногда подсматривают; как он однажды спросил: «Поставь что-нибудь посложнее», а она ответила: «Мне и так достаточно, что ты не лезешь».

Он понял, что никогда не интересовался этим по-настоящему.

Как будто её цифровая жизнь была её территорией, в которую он принципиально не заходил — и теперь это сыграло против него.

— Я не знаю, — тихо сказал он. — Я... правда, не знаю.
Это «не знаю» было шире одного PIN-кода.

Оно вылезало во всё: он не знал её последних переписок, страхов, планов. Он знал только фасад, который она ему показывала.

Егор смотрел на экран, на мигающее предупреждение.

— Если бы это был мой кейс, — сказал он, уже полностью переключившись в режим «аналитика», — я бы попробовал не ломиться в дверь, а... зайти с другой стороны.

— То есть? — спросил Андрей.

— Бэкапы, — ответил Егор. — Облако. Синхронизация. Если отель уже «подключился» к её цифровым следам, они сделали это через свою систему. Значит, где-то здесь есть интерфейс, через который можно увидеть хотя бы список её последних черновиков или переписок, даже без доступа к самому телефону.

Он говорил быстро, тихо, как человек, обсуждающий план взлома на кухне.

Май слушала их молча.

— У нас есть внутренний портал для гостей, — сказала она неожиданно. — Там они могут смотреть свои фотографии, заказы, записи. Иногда там остаются... лишние файлы.

Егор и Андрей чуть ли не одновременно повернулись к ней.

— Доступ к portalу — через любой гостевой терминал, — продолжила она. — Но... — она помедлила, — некоторые сотрудники тоже имеют доступ. Не ко всему, но...

— У вас? — спросил Андрей.

— У меня — нет, — честно сказала она. — У менеджера — да. Но менеджер сейчас занят тем, чтобы писать отчёт о «нестандартной ситуации с русской бабушкой». — уголок её

рта дрогнул. — У вас есть минут десять, пока он... отвлечён.

Она говорила осторожно, но каждая фраза была чёткой.

Егор вдруг понял, что здесь, в утробе отеля, у людей тоже есть своё «подполье». Только оно не политическое, а человеческое.

— Где терминал? — спросил он.

— В комнате персонала на втором уровне лобби, — ответила Май. — Для контроля заказов. Код от двери... — она назвала комбинацию из четырёх цифр. — Его давно хотели сменить, но всё руки не доходят.

Андрей записал в голове. У него была хорошая память на цифры.

На пароли к чужим жизням — хуже.

Он отключил телефон Дианы, не вводя больше код.

Положил его в карман.

— Спасибо, — сказал он Май.

Она кивнула.

— Если вы что-то найдёте... — сказала она тихо, — подумайте, хотите ли вы это знать. Иногда грязь лучше видеть, чем дышать ею. Но не все с этим согласятся.

Слово «грязь» прозвучало так, будто она говорила не про пыль, а про правду.

Они с Егором вышли обратно в коридор.

Воздух здесь, в служебной зоне, был тяжелее, чем в лобби, но честнее.

— У нас есть десять минут, — сказал Андрей. — Пошли посмотреть, что оставил от нас их бог цифрового рая.

И где-то глубоко в стенах, среди труб и проводов, Пыль чуть ускорила своё движение, почувствовав, что два её «пациента» не хотят просто лечь под наркоз.

Глава 9. Цифровая исповедь

Комната персонала на втором уровне лобби выглядела как сердце операционной, в которую забыли вставить людей.

Никакого роскошного интерьера — только стол, два стула, настенный кондиционер и шкаф с папками. На стене — монитор, подключённый к тонкому клиенту. Под столом — спутанные провода, одна свободная розетка, которая тускло мигала красным индикатором.

Дверь хлопнула за ними.

Шум лобби мгновенно отрезало. Остался только тихий гул вентиляции и лёгкое потрескивание электроники.

— Код, — напомнил Егор.

Андрей набрал комбинацию, которую дала Май. Замок щёлкнул, экран монитора проснулся.

В центре вспыхнул логотип Prapaion.

Под ним — надпись: «**Memory Gate**».

Егор хмыкнул.

— Скромнее надо быть, — пробормотал он. — «Ворота памяти», блин.

Андрей промолчал. Уже от имени портала ему стало не по себе.

На экране появилась форма входа: логин, пароль. Справа

— список ролей: *Guest, Staff, Manager*. По умолчанию был выбран *Staff*.

— Май сказала, что у неё нет доступа, — напомнил Егор.

— Значит, нужен менеджерский.

— У меня есть, — тихо сказал Андрей.

Егор повернулся.

— В смысле? — удивился.

— Сатир, показывая мне записи, пару раз вводил пароль при мне, — ответил Андрей. — Я не смотрел специально. Но глаз цепляется за подобные вещи автоматически.

Он набрал виденную последовательность цифр и символов.

Система подумала секунду — и пустила.

Роль изменилась на *Manager*.

Внизу загорелась надпись: «**Welcome, Satir.**»

Егор с уважением посмотрел на Андрея.

— Теперь я меньше удивляюсь, почему Диана называла тебя контрол-фриком, — сказал он. — Это сейчас комплимент.

Андрей не отреагировал.

Он кликнул на вкладку **Guests**. Список вывалился длинный: имена, номера, статусы. Поиск. Он набрал «*Letskaya*».

Сначала всплыло три записи:

— Diana Letskaya — Room 408 — Status: Active

— Lyudmila [no surname] — Linked guest — Status: Pending

— [No name] — Child 1 / Child 2 — Linked guests — Status:

Hidden

Слово «Hidden» кольнуло.

— Они спрятали её детей даже в системе, — сказал Егор тихо. — Как нестабильные элементы.

Андрей почувствовал, как на секунду перехватило дыхание.

— Открывай Диану, — сказал он.

Он кликнул по её имени.

Открылся профиль.

Слева — стандартный набор: фото лица (сделанное при заселении), паспортные данные, даты прибывания. Справа — вкладки: **Stays, Orders, Captures, Social Sync**.

Егор почти физически почувствовал, как у него зачесались пальцы на слове **Social Sync**.

— Начнём с этого, — прошептал он.

Андрей кивнул.

Они открыли вкладку.

Экран заполнили строки:

«Instagram — linked»

«*Cloud Backup — enabled*»

«*Content Mirror — active*»

Под ними — список файлов: превьюшки сторис, постов, фотографий, снапшоты экранов. Система сохраняла всё, что гостя могло потом заинтересовать — и то, что могло заинтересовать отель.

— Это... зеркалка, — тихо сказал Егор. — Они делают бэкап её контента у себя.

— И это всё ещё доступно, — добавил Андрей. — Значит, «наверху» руками сюда не залезали. Пока.

Он прокрутил вниз. Список уходил далеко назад — ещё к московским сторис.

Но сейчас их интересовал только Прапайон.

— Фильтр по дате, — сказал Егор. — Последняя неделя. Андрей поставил диапазон.

Список резко сузился. Остались только файлы с пометкой **Prapaion**.

Они начали открывать по одному.

Сначала — те, что уже видели: бассейн, завтрак, закат. Всё то, что мир видел в её сторис.

Но рядом с каждым файлом была маленькая иконка: «**Draft**» или «**Deleted before publish**».

— Вот это интереснее, — сказал Егор, указав на «Draft». Андрей кликнул. Открылось окно с видео.

Камера трясётся, кадр неудачный — Диана в ванной, без макияжа, с мокрыми волосами, держит телефон слишком близко.

— «Я здесь...» — её голос дрогнул, — «я здесь задыхаюсь.»

Она смеётся, но смех фальшивый.

— «Хотела снять красивый блогерский ‘утро в раю’, а получилось ‘утро в дурдоме’», — продолжает она. — «Мама уже уверена, что нас здесь всех съедят. Дети...» — на секунду она замолкает, — «дети как будто... не мои. Я сама не своя.»

Диана смотрит себе в глаза в экране.

— «Иногда думаю, что проще было бы просто раствориться, чем дальше тянуть этот цирк», — тихо добавляет она. — «Но это слишком драматично даже для меня.»

В конце видео она закатывает глаза, нажимает «stop».

Под роликом — пометка: «*Draft — not shared — auto-saved by system.*»

Андрей сидел неподвижно.

Слова «я здесь задыхаюсь» врезались в него сильнее, чем

любые крики Людмилы.

Егор наблюдал за ним боковым зрением.

— Ты этого не видел? — спросил он.

— Нет, — глухо ответил Андрей. — Она... не выкладывала.

Егор кивнул.

— Но сказала, — подчеркнул он. — Хоть кому-то. Даже если сначала — только себе.

Он кликнул следующий «Draft».

На этот раз — текстовый пост.

Только заголовок и несколько первых строк:

«Иногда мне кажется, что моя жизнь — это отель. Ты идёшь по коридорам, где всё чисто, красиво, по правилам. А за служебной дверью...»

Дальше — оборвано.

Внизу пометка: *«Edited — system error — recovered partially»*.

Егор щёлкнул ещё один файл.

Там был черновик сторис, которую мир увидел, но без фильтров и наклеек. На нём, на заднем плане, в отражении стекла, гораздо отчётливее, чем в опубликованной версии, был виден мужчина в форме Прапайона, стоящий слишком близко к детям.

Поверх кадра тонкой, полупрозрачной строкой шло си-

темное сообщение:

«Adjusting composition for optimal emotional response...»

Слова дёрнулись, как глюк, и исчезли.

— Ты это видел? — выдохнул Егор.

— Видел, — сказал Андрей. — И хочу сделать вид, что не видел.

Он наклонился ближе к экрану.

Текст появился снова, на долю секунды.

На этот раз — с небольшими искажениями, как будто кто-то вмешался в шаблон:

«Adjusting composition for optimal *illusion*...»

Затем буквы поплыли, рассыпались в цифровой «снег» и исчезли.

Комната стала казаться тесной.

— Это баг? — спросил Андрей.

— Это... — Егор сглотнул, — как если бы кто-то писал поверх интерфейса. Сверху.

Он думал о статьях про «глитч-хоррор», про то, как цифровые сбои используются, чтобы показать вмешательство чужого агента. Но здесь это был не стилистический приём. Это была... подпись. [youtube](#)todigra+1

Андрей прокрутил список ещё ниже.

В конце, под серой полосой, где обычно пишут «нет данных», вдруг появился ещё один элемент: файл без имени, без

расширения, без даты. Только значок — маленькое облачко с пылинкой внутри.

— Это что? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Егор. — Но явно не то, что задумывали программисты.

Он кликнул.

Экран на секунду стал чёрным.

Потом — серым, как пыльный свет в старой квартире. Никаких кнопок, никакого интерфейса. Только текст, появляющийся по одной строке, как в старых терминалах:

«Я видела, как ты смотрел на неё, когда она плакала в ванной, а ты делал вид, что не слышишь.»

Андрей застыл.

Следующая строка появилась чуть ниже:

«Я чувствовала, как её пальцы дрожали над кнопкой 'опубликовать', и как ты вздохнул с облегчением, когда она решила не выкладывать.»

Егор бросил быстрый взгляд на Андрея. Лицо того побелело.

— Это... — начал он.

— Это не лог файла, — тихо сказал Егор. — И не заметки администратора.

Текст продолжил:

«Вы все думаете, что ваши черновики — ваши. Что невысказанное умирает. Но здесь ничто не умирает, Андрей.»

Здесь всё превращается в чистый, переработанный смысл.»

Имя «Андрей» в середине строки выглядело особенно жутко.

— Она обращается к тебе, — прошептал Егор.
Андрею стало трудно дышать.

Не из-за аллергии — из-за того, что кто-то, что-то говорило с ним через интерфейс, который должен был быть немым.

«Ты хочешь правды? Вот она: ты знал, что она задыхается. Ты просто надеялся, что вытянет сама, пока ты будешь 'разруливать дела'. Ты кормил меня своей пассивностью, Андрей.»

Слово «кормил» заставило его вспомнить термин «Лечебница», который он слышал от Людмилы. Лечебница, которая питается чужой болью. [paste.txtwikipedia](https://paste.txtwikipedia.com)

Егор протянул руку к клавиатуре.

— Надо это сохранить, — сказал он. — Сделать скрин, выгрузить...

Его пальцы не успели коснуться клавиш.

Экран мигнул. Строки начали рассыпаться, как если бы их кто-то стирал бесконечной ластиком.

Последнее, что успели прочесть:

«Не бойся. Я не против тебя. Я — за чистоту.»

Потом всё исчезло.

Остался только логотип Prapaion и стандартное сообщение: «*Session expired. Please log in again.*»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.